

Святитель
ИОАНН ЗЛАОТОУСТ

ТОЛКОВАНИЕ
на
ЕВАНГЕЛИЕ
от
ИОАННА

Святитель Иоанн Златоуст

**Толкование на
Евангелие от Иоанна**

«Сибирская Благовонница»

Златоуст С.

Толкование на Евангелие от Иоанна / С. Златоуст — «Сибирская Благовонница»,

Святитель Иоанн Златоуст (347–407) является одним из величайших отцов Вселенской Церкви. Среди его огромного литургического и литературного наследия особенно выделяются составленные им изъяснения Священного Писания, которые до сих пор считаются одними из лучших толкований во всей мировой богословской литературе. Толкования великого пастыря на Евангелие от Иоанна, состоящие из 88 бесед, носят морально-практический характер. Говорящий в этих беседах силой Духа Святого и мощью своего слова Иоанн Златоуст стремится тронуть «спящее» сердце читающего его творения христианина и привести его к Богу.

© Златоуст С.

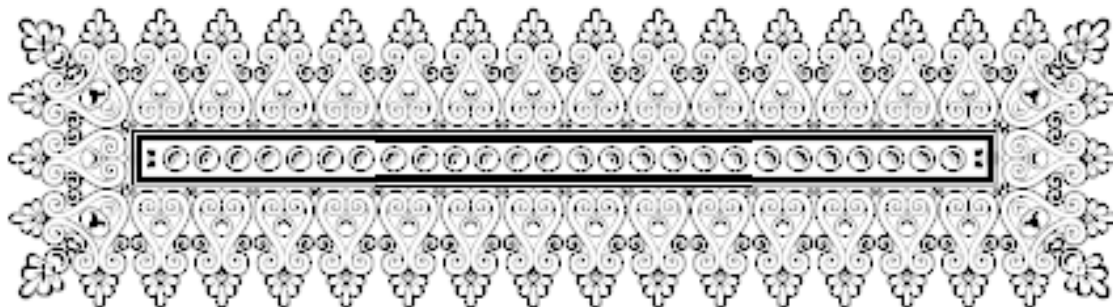
© Сибирская Благовонница

Содержание

Беседа I	6
Беседа II	10
Беседа III	17
Беседа IV	24
Беседа V	30
Беседа VI	35
Беседа VII	37
Беседа VIII	40
Беседа IX	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Святитель Иоанн Златоуст

Толкование на Евангелие от Иоанна

Беседа I

(Вступительная)

Похвала Евангелию от Иоанна. Его превосходство и польза. – Кто может понимать его. – Возвышенность Иоанна. – Как нужно слушать Евангелие. – Необходимость известного расположения к Слову Божию. – Не нужно бросать святыни псам. – Описание настроений, которые требуются для слушания Евангелия. – Нужно избегать театральных зрелищ и твердо стоять в единении с Богом и Церковью. – Должно иметь внимательный слух.

1. Зрители подвигов телесной борьбы, как скоро узнают, что пришел откуда-нибудь мужественный и уже увенчанный борец, все стекаются, чтобы видеть его ратоборство, искусство, силу. Тогда видишь, как на зрелище, наполненном бесчисленным множеством народа, все направляют чувственные и мысленные взоры, чтобы ничего тут не оставить без внимания. Если потом прибудет какой-нибудь замечательный музыкант, то опять те же самые люди наполняют зрелище, и, оставив все, что было у них в руках, иногда даже нужное какое-нибудь и настоящее дело, сидят на возвышении, и с большим вниманием слушают пение и музыку, испытывая их благозвучие. Так обыкновенно делает простой народ. А сведущие в словесных науках то же самое делают в отношении к софистам. И у тех есть свои зрелища и слушатели, рукоплескания и приговоры, и строгие испытания речей. Если же зрители борцов, зрители и вместе слушатели риториков и музыкантов сидят на зрелище с таким вниманием, то сколько усердия и внимания, по справедливости, должны вы оказывать, когда не певец какой-нибудь и не софист выходит на подвиг, но когда вещает муж с Небес и издает глас сильнее грома? Своим гласом он объял и наполнил всю вселенную, не потому, чтобы вопиял слишком громко, но потому, что двигал язык силою Божественной благодати. И то удивительно, что такой сильный голос нисколько не груб или неприятен, но приятнее и вожделеннее всякого музыкального созвучия, способен даже увлекать, и, сверх всего этого, он совершенно свят, достоин трепетного благоговения, преисполнен столь великими тайнами и доставляет столько благ, что принимающие и сохраняющие их со тщанием и ревностью уже как бы перестают быть людьми и не остаются на земле, но, становясь выше всего житейского и присоединяясь к лику ангельскому, живут на земле, как бы на Небе. Сын грома, возлюбленный (ученик) Христов, столп Церквей, сущих по вселенной, тот, кто имеет ключи Неба, кто испил чашу Христову и крещением Его крестился, кто с дерзновением возлег на перси Господни, – вот он ныне приходит к нам не с тем, чтобы представить какое-нибудь вымышленное зрелище или прикрывать себя личиною (не в таком роде он и говорить будет); не восходит он на возвышенное место, не ударяет ногою под музыку, не украшается позлащенной одеждою. Он входит в одежду, имеющей красоту безыскусственную; он является нам, облеченный во Христа, обув красные ноги свои в уготование благовествования мира; пояс – не на персях, но на чреслах, не из кожи пурпурного цвета, не золотом покрытый сверху, но сотканный и составленный из самой истины. Таков он ныне является нам, без всякого лицепрятия; нет у него ни притворства, ни вымыслов, ни басней, но с открытою главою он возвещает открытую истину. Будучи сам по себе таким, он не иное внушает и слушателям своим видом, взорами, голосом. Он не имеет нужды в каких-нибудь орудиях для вещания, как, например, в цитре, или лире, или в чем-нибудь подобном; но все совершает своим языком, издавая голос приятнее и гораздо полезнее всякой игры на цитре и (всякой) музыки. Местом действия служит для него все небо; зрелищем – вселенная; зрителями и слушателями – все Ангелы и из людей те, которые подобны Ангелам или желают такими сделаться. Только

такие могут отчетливо постигать это благозвучие, обнаруживать его и в делах (своих), и быть такими слушателями, какими надобно быть. Все другие, как малые дети, хотя и слушают, но не понимают того, что слушают, а увлекаются только удовольствиями и детскими играми. Так все люди веселые, роскошные, живущие для богатства, для почести и чрева, хотя и слушают иногда, что (им) говорят, но на деле не показывают ничего великого и возвышенного, потому что однажды навсегда прилепились к брению и праху. Апостола этого окружают Горние Силы, дивясь благообразию души его, разуму и красоте его добродетели, которою он привлек (к себе) и Самого Христа и получил благодать духовную. Настроив свою душу подобно благозвучной, украшенной драгоценными камнями и имеющей золотые струны лире, он достиг того, что чрез нее Духом возгласил нечто великое и возвышенное.

2. Итак, будем внимать не рыбарю, не сыну Зеведееву, но тому, кто ведает глубины Божии, то есть Духу, движущему эту лиру. Он ничего человеческого не будет говорить нам, но все, что ни скажет, будет из глубины Духа, из тех тайн, которых даже и Ангелы не знали прежде, нежели они совершились. И Ангелы вместе с нами чрез глас Иоанна и чрез нас научились тому, что мы познали. Это открыл другой Апостол, когда сказал: *да скажется ныне Началом и Блаstem на Небесных Церквию многообразная премудрость Божия* (Еф. 3, 10). Итак, если и Начала, и Власти, и Херувимы, и Серафимы познали это чрез Церковь, то очевидно, что и они с великим тщанием занимались этим поучением. Таким образом, мы и тем уже не мало почтены, что Ангелы вместе с нами научились тому, чего прежде не знали. А что (они узнали) и чрез нас, об этом пока не буду говорить. Итак, окажем и мы с своей стороны безмолвное благоговение, не ныне только и не на тот только день, когда слушаем, но в продолжение всей (своей) жизни, потому что слушать его всегда хорошо. Если нам желательно знать, что делается в чертогах царских, как, например, что делает или предпринимает царь касательно своих подданных, хотя часто это несколько не относится к нам, то не гораздо ли более возжеленно слышать, что изрек Бог, и особенно когда все это нас касается? А все это Апостол (Иоанн) с точностию скажет нам, как друг Самого (Небесного) Царя или, лучше, как такой муж, который имеет в себе Его Самого говорящего и от Него слышал все, что Он – от Своего Отца. *Вас жерекох други*, говорил Он, *яко вся, яже слышах от Отца Моего, сказах вам* (Ин. 15, 15). Итак, подобно тому, как если бы мы вдруг увидели кого-нибудь, сходящего свыше, с высоты Неба, и обещающего сказать нам в точности, что там (происходит), и, конечно, все стеклись бы к нему, подобно тому поступим и ныне. Именно с Неба беседует с нами этот муж. Он не от мира, как говорит и Сам Христос: *вы несете от мира сего* (см.: Ин. 15, 19). В нем вещает Утешитель вездесущий и с такою же точностию ведущий *Божия*, с какою душа человеческая знает в себе *свое*, – Дух святости, Дух правый, владычественный, руководящий на Небеса, дающий другие очи, способные видеть будущее как настоящее, и сподобляющий нас еще во плоти созерцать то, что есть на Небесах. Итак, будем оказывать ему безмолвное внимание в продолжение всей нашей жизни. Никто пусть не остается здесь ленивым, сонливым, нечистым. Переселимся к Небесам, потому что он вещает только там и только тем, которые там обитают. А если будем оставаться на земле, то не получим отсюда никакой важной пользы. Слова Иоанна не относятся к тем, которые не хотят отстать от жизни скотской, точно так же, как и его не касаются здешние дела. Гром поражает наши души, имея и незначительный звук, а его голос не устрашает никого из верных; напротив, еще освобождает от страха и смущения душевного и поражает только демонов и тех, которые им работают. Итак, чтобы нам видеть, как он их поражает, сохраним безмолвие, как внешнее, так и внутреннее, особенно внутреннее. Какая, в самом деле, польза, когда уста безмолвствуют, а душа возмущается и имеет в себе сильную бурю? Я ищу безмолвия в душе, в помыслах, так как и внимательного требую слуха. Да не увлекает же нас страсть к богатству, ни любовь к славе, ни сила гнева, ни волнение других страстей. Невозможно слуху неочищенному уразуметь как должно высоту изреченных глаголов, уразуметь, или познать, как следует, силу этих страшных и неизреченных тайн и всякое добро, заключающееся в этих

Божественных изречениях. Если нельзя хорошо изучить игры на свирели и цитре, не устремив к тому всего ума, то как возможно выразуметь таинственный глас слушателю, сидящему с безпечною душою?

3. Так и Христос научает: *не дадите святая псом, ни пометайте бисер ваших пред свиньями* (Мф. 1, 6). Бисером он называл эти самые речения¹, хотя они гораздо драгоценнее бисера, и называл только потому, что у нас нет ничего, ценнее этой вещи. Потому и сладость слова Писание часто имеет обычай сравнивать с медом, не потому, чтобы такова только была ее мера, но потому, что у нас нет ничего другого, слаще меда. А что оно несравненно превосходит и драгоценность камней, и сладость всякого меда, послушай, как Пророк говорит о нем, показывая его превосходство. *Вожделенны, говорит он, паче злата и камне честна многа, и слаждша паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Но это только для здоровых, – почему и присовокупил Пророк: *ибо раб Твой хранит я* (ст. 12). И опять в другом месте, назвав их сладкими, присовокупил: *гортани моему. Коль сладка, говорит он, гортани моему словеса Твоя* (Пс. 118, 103). И еще, выражая их превосходство, говорит: *паче меда и сота устом моим*, – потому что он имел крепкое здравие душевное. Так и мы не будем приступать к ним в болезни, но, уврачевав сперва душу, примем эту пищу. Для того я так много и говорю предварительно, еще не касаясь самих изречений Евангелия, чтобы каждый освободился от всякого вида болезни и, таким образом, как бы взошел на самое Небо, взошел чистым, отложив гнев, заботы, житейские тревоги и все иные страсти. Не очистив таким образом предварительно души, невозможно получить отсюда никакой важной пользы. И никто не говори мне, что мало времени до будущего собрания. Не только в пять дней, но в одну минуту можно переменить всю свою жизнь. Скажи мне, есть ли что хуже разбойника и человекоубийцы? Не крайняя ли это степень зла? И, однако ж, разбойник вдруг взошел на высоту добродетели и перешел в самый рай, не имея для этого нужды ни во многих днях, ни даже в половине одного дня, довольно было для этого одной минуты. Следовательно, можно вдруг перемениться и сделаться златым, вместо брэнного. Так как добродетель и порок происходят не от природы, то и перемена легка и не подвержена никакому насилию. *Аще хотите и послушаете Мене, говорит Бог, благая земли снесите* (Ис. 1, 19).

Видишь ли, что нужно одно только хотение? Но хотение – не обыкновенное, общее многим, а тщательное. Я знаю, что ныне все желают воспарить на Небо; но надобно доказать это желание в самих делах. И купец, желая обогатиться, не останавливает своего желания только на одной мысли, но снаряжает корабль, собирает корабельщиков, приглашает кормчего, снабжает судно всем, что нужно, берет заем золото, переплывает море, отправляется в чужую землю, претерпевает множество опасностей и все прочее делает, что известно мореплавателям. Так и мы должны доказывать свое желание. И мы ведь совершаем плавание, не из (одной) земли в (другую) землю, но от земли к Небу. Соделаем же ум наш способным к управлению, так, чтобы он возносил нас горе, а корабельщиков сделаем послушными ему; снарядим крепкий корабль, которого не могли бы потопить злключения и скорби житейские, который не воздымался бы духом надмения, но был легок и скор в плавании. Если мы устроим таким образом корабль, кормчего и корабельщиков, то будем плавать благополучно и преклоним к себе истинного Кормчего – Сына Божия, Который не допустит наше судно погрузиться (в бездну), но, хотя бы дули тысячи ветров, Он и ветрам запретит, и морю, и вместо бури сотворит великую тишину.

4. Приготовив себя таким образом, приходите в следующее собрание, если только вам желательно услышать что-нибудь полезное и сохранить слово в душе своей. Никто да не будет подобен проходной стезе (см.: Лк. 8, 5, 12), никто да не будет камнем, никто – полным терний. Соделаем себя как бы новосделанными нивами. Тогда и мы, если увидим в вас землю чистую, будем с ревностью бросать семена; если же – грубую и каменистую, то простите нам, если

¹ То есть Евангелие.

не захотим напрасно трудиться. А если, оставив сеяние, начнем исторгать терния, то опять будет неблагоприятно бросать в невозделанную землю. Наслаждающемуся таким слушанием не должно приобщаться трапезы бесовской: *кое бо причастие правде к беззаконию?* (2 Кор. 6, 14). Ты стоял здесь, слушая Иоанна и чрез него внимая учению Духа, и после этого идешь слушать блудных женщин, произносящих речи постыдные, а еще постыднейшие дела представляющих на зрелище, также изнеженных юношей, которые взаимно друг друга быют и быются. Как же ты можешь вполне очиститься, оскверняемый такою грязью? Но для чего изображать по частям весь срам, какой там бывает. Всё там – смех, всё – стыд; там – ругательство, насмешки, выходки; всё – разврат, всё – пагуба. Вот я наперед об этом говорю и объявляю всем вам. Никто из наслаждавшихся здешнею трапезою да не растлевают души своей теми пагубными зрелищами. Все, что там ни говорится и ни делается, есть сатанинская гордыня. Знаете вы, сподобившиеся Таинства (крещения), какие между нами положены обеты или, лучше сказать, в какой завет вы вступили со Христом, когда Он сподоблял вас Своих Таинств? Что вы пред Ним говорили? Что вы сказали Ему о гордыне сатанинской? Как вы, с отречением от сатаны и ангелов его, отреклись и от всей гордыни его и обещали более уже не уклоняться к ней? Итак, не мало нужно заботиться, чтобы не забывать столь великих обетов и не делать себя недостойным таких Таинств. Не видишь ли, как при царском дворе призываются к участию в совете царском и включаются в число друзей царевых только люди, ни в чем не преткнувшиеся и уважаемые. К нам пришел посланник с Неба, посланный от Самого Бога для того, чтобы сказать нам о некоторых необходимых предметах. А вы, оставив слушать то, что он хочет нам передать и для чего уполномочен к нам, сидите, слушая лицедеев. Каких достойно это молний, каких громов! Но как не должно приобщаться трапезе бесовской, так не должно принимать участия и в слушании бесовском, в нечистой одежде приходить к светлой трапезе, обильной столь многими благами, – трапезе, которую уготовал Сам Бог. Такова ее сила, что она вдруг может вознести на самое Небо, если только мы будем внимать с чистым сердцем. Итак, неприлично тому, кто часто оглашается Божественными словами, оставаться в настоящем низком состоянии, но необходимо тотчас воспарить, взлететь в самую Горную страну и насладиться сокровищами бесчисленных благ, которые да сподобимся получить все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому со Отцом и со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа II

В начале бе Слово (I, I)

Изъяснение 1, 1. Внешние философы в сравнении с евангелистом Иоанном. – Бедность и не – ученость его и в то же время несравненное превосходство его на первыми. – Варварские народы, восприняв христианство, научились любомудрствовать. – Против учений философов и особенно против учения о переселении души. – Почему Иоанн говорит о Боге Сыне, не касаясь Бога Отца. – В чем истинное любомудрие? – Ум не может одновременно размышлять о нескольких предметах. – С каким вниманием следует читать Евангелие святого Иоанна.

1. Если бы Иоанн хотел сам с нами беседовать или говорить нам что-либо свое, от себя, то нужно было бы сказать о роде его, об отечестве, о воспитании. Но так как не он, а Сам Бог чрез него вещает роду человеческому, то исследовать это представляется мне излишним и неуместным. Впрочем, может быть, это и неизлишне, и даже весьма нужно. Когда узнаешь, кто он был, откуда и от кого происходил и каков был сам по себе, потом услышишь его глас и все его любомудрие, – тогда ясно увидишь и то, что Евангелие было не собственным его произведением, но делом Божественной силы, которая действовала в душе его. Итак – какое же было его отечество? Отечества у него не было почти никакого; он происходил из бедного селения, из страны, самой в то время презренной, которая не имела в себе ничего хорошего. Книжники в унижение Галилеи говорили: *испытай и виждь, яко пророк от Галилеи не приходит* (Ин. 7, 52). Унижает ее и истинный израильтянин, говоря: *от Назарета может ли что добро быти?* (Ин. 1, 46). Будучи из такой страны, Иоанн не происходил и из какого-нибудь замечательного в ней места и не был там известен по своему имени. Отец его был бедный рыбарь, до того бедный, что и детей своих приготавливал к тому же ремеслу. А вы знаете, что ни один ремесленник не захочет добровольно сделать своего сына наследником собственного ремесла, если только не будет принужден к тому крайнею бедностию, особенно если ремесло его низко. Но нет беднее, нет презреннее, невежественнее рыбарей; впрочем, и между ними одни выше, а другие ниже. Апостол и в этом отношении занимал самую последнюю степень. Он и не в море ловил рыбу, а трудился в одном небольшом озере. И вот, когда он там находился вместе с отцом и Иаковом, братом своим, и чинил с ними прорванные сети, что также показывало крайнюю бедность, – призвал его Христос. А что касается до внешнего образования, то и отсюда уже можно заключать, что он был вовсе необразован. Притом свидетельствует (об этом) и Лука, когда пишет, что он был человек не только простой, но и безграмотный. И это должно быть так; кто был так беден, не являлся среди народа, никогда не обращался с значительными людьми, но был занят только рыболовством, а если иногда и встречался с кем-нибудь, то беседовал разве с покупателями рыбы и поварами, – тот могли сделаться чем-нибудь лучше неразумных животных? Как было ему не подражать безгласию самих рыб? И вот этот-то рыбарь, вращавшийся около озера, сетей и рыб, родом из Вифсаиды галилейской, сын бедного рыбака, и бедного до крайнего убожества, человек простой, и притом на последней степени простоты, не изучавший наук ни прежде, ни после соединения со Христом, – вещает к нам. Узнаем же, о чем он с нами беседует. Не о том ли, что на полях? Или – что в реках? Не о торговле ли рыбою? Иной, может быть, и ожидал бы услышать это от рыбака. Но не бойтесь, ничего подобного мы не услышим. А услышим о том, что на Небесах и чего прежде его еще никто не знал. Он приносит к нам столь возвышенные догматы, столь превосходные правила

жизни и такую мудрость, какие возможны только для вещающего из самых глубин Духа, и вещает так, как только что пришедший с самых Небес. Еще более: и из живущих на Небе, как я и прежде говорил, не все могли бы это знать. Скажи же мне, свойственно ли это рыбаю? Или хотя бы ритору, или софисту, или философу, или вообще всякому, изучившему внешнюю мудрость? Нет; обыкновенному человеческому духу невозможно любомудрствовать так о вышнем бессмертном и блаженном Существо, о ближайших к нему силах, о бессмертии и бесконечной жизни, о естестве тел смертных, но впоследствии имеющих соделаться бессмертными, о будущем Суде и наказании, о предстоящих отчетах в словах и делах, в мыслях и чувствах, также – знать, что такое человек и что – мир, что такое человек по существу и что такое – кажущийся человеком, но не таковой на самом деле, что такое порок и что – добродетель.

2. Некоторые из этих предметов были исследуемы учениками Платона и Пифагора, а о прочих философах не стоит даже и упоминать нам, – до такой степени все они стали смешны. Именно они более других пользовались у эллинов уважением и считались главами этой науки. Они же, между прочим, написали нечто и относительно жизни гражданской и законов. Однако ж и они, к стыду своему, оказались во всем смешнее детей. Они вводили общих для всех жен; извращали самую жизнь; повреждали честность брака; узаконяли и многое другое, столько же достойное смеха, и таким образом провели всю свою жизнь. Что же касается до души, то они оставили учение о ней самое постыдное: говорили, что души человеческие делаются мухами, комарами, деревьями, утверждали, что Сам Бог есть душа, и вымышляли многие другие нелепости. И не это одно достойно порицания, а также обширное у них море умозаключений. Как бы в море носимые туда и сюда, они никогда не останавливались на одном предмете, потому что обо всем говорили на основании неверных и нетвердых умствований. Но не таков этот рыбаю; он все изрекает с точностию и, как бы стоя на камне, никуда не совращается. Он удостоился проникнуть в самые недоступные тайны и, имея в себе глаголющего Самого Господа, не подвергся никаким человеческим слабостям. А те философы, как люди, которые даже во сне не удостоились войти в царские чертоги, но вне их на площади оставались в толпе народа и только по собственным соображениям гадали о невидимых предметах, – те впадали в великие заблуждения, когда хотели рассуждать о неизреченных предметах, и, как слепые и пьяные, даже в самих заблуждениях препирались друг с другом, и не только противоречили друг другу, но нередко и сами себе, непрестанно переменяя свои мнения об одних и тех же предметах. А этот неученый, простой житель Вифсаиды, сын Зеведея (хотя бы тысячу раз эллины насмеялись над грубостию этих названий, я тем не менее и даже тем с большею смелостию буду произносить их, так как, чем более этот народ представляется им грубым и чуждым эллинского образования, тем более славным является наше учение. Когда человек необразованный и некнижный возвещает то, чего никогда и никто из людей на земле не знал, и не только возвещает, но и убеждает, тогда, если бы только и вещал он, то и это уже было бы великим чудом; а если ныне, сверх того, представляется еще другое важнейшее доказательство богодухновенности его глаголов, именно, что он всех своих слушателей во всякое время убеждает, – то кто не подивится обитающей в нем силе? И это, как я уже сказал, служит величайшим свидетельством того, что он не сам от себя учит), – итак, этот-то необразованный человек написанным от него Евангелием объял всю вселенную, а телом пребывал в Азии, где в древности любомудрствовали все, принадлежавшие к эллинским школам. Там он был страшен для демонов, сияя среди врагов, уничтожая их мрак и разрушая твердыни демонские. Душою же своею он переселился в иную страну, достойную совершившего такие дела. Произведения эллинов все истребились и исчезли; а его деяния с каждым днем становятся более и более славными. С того времени, как явился он и с ним прочие рыбаи, с того времени учение Платона и Пифагора, которое прежде почиталось господствующим, умолкло, так что (ныне) многие далее и по имени их не знают, хотя Платон, как говорят, и с царями беседовал, по их приглашению, имел много единомышленников и плавал в Сицилию. А Пифагор, по прибытии в великую Элладу, показал здесь

много разных родов чародейства. Ведь разговаривать с волами (говорят, что он и это делал) было не иное что, как дело волшебства. И это в особенности очевидно из того, что, беседуя таким образом с неразумными, он не только не приносил никакой пользы человечеству, но еще весьма много вредил ему. Природа человеческая, конечно, способнее к изучению философии, но он, как говорят, при помощи волхвования беседовал с орлами и волами. Он не делал природы неразумной разумною (это и невозможно для человека), а волхвованием только обманывал неразумных. Оставив учить людей чему-нибудь полезному, он внушал им, что все равно – есть бобы или головы своих родителей, а своих последователей уверял, что душа учителя их иногда бывала деревом, иногда – девицею, иногда – рыбою. Итак, не по справедливости ли все это уничтожено и исчезло совершенно? По справедливости, вполне основательно. Но не таково учение этого простого и некнижного человека. Напротив, и сириане, и египтяне, и индийцы, и персы, и эфиопы, и множество других народов, будучи людьми невежественными, научились любомудрствовать, когда переложили на свой собственный язык преподанное им учение.

3. Итак, не напрасно я сказал, что для него вся вселенная была местом зрелища. Он не оставлял подобных себе по естеству и не трудился напрасно над природою бессловесных, что было делом излишнего честолюбия и крайнего безумия. Он, будучи чистым и от этой страсти, как и от других, только о том одном старался, чтобы вся вселенная научилась чему-нибудь полезному, могущему возвести ее от земли на Небо. Поэтому он и не прикрывал своего учения каким-нибудь мраком и тьмою, как те философы делали, закрывая неясности учения, как бы некоторою завесою, зло, заключавшееся в сущности его. Его догматы яснее солнечных лучей, и потому доступны для всех людей по вселенной. Приходившим к нему он не повелевал, подобно тому (Пифагору), молчать в продолжение пяти лет; не так учил, как бы сидели пред ним бесчувственные камни, не баснословил, все определяя числами. Но, отвергнув всю эту сатанинскую мерзость и гибель, сообщил такую удобопонятность своим словам, что все, сказанное им, ясно не только для мужей и людей разумных, но и для женщин и юношей. Он был уверен, что учение его истинно и полезно для всех, кто будет слушать, – и это свидетельствуют все последующие времена. Он привлек к себе всю вселенную, освободил жизнь нашу от всякого чуждого вымысла, после того как мы слышали его проповедь. Поэтому-то мы, слушающие его, пожелали бы лучше лишиться жизни, нежели догматов, которые он преподавал нам. А отсюда, как и отовсюду, очевидно, что в учении его нет ничего человеческого, но что наставления, дошедшие до нас чрез эту божественную душу, божественны и небесны. Мы не найдем у него ни шума слов, ни напыщенности в речи, ни излишнего и бесполезного украшения и сочетания имен и слов (да это чуждо и всякого любомудрия); но увидим непреодолимую, Божественную силу, правых догматов непобедимую крепость, сочетание бесчисленных благ. Искусственность была бы излишня в проповеди Евангелия; она свойственна софистам, лучше же сказать – и не софистам, а неразумным детям, так что и сам их философ (Платон) представляет своего учителя весьма стыдящимся этого искусства и говорящим своим судьям, что они услышат от него речи, произносимые просто и как случится, не изукрашенные словами и не испещренные именами и выражениями, – потому что, говорил он, неприлично мне было бы, достопочтенные мужи, в таком возрасте составлять детские речи и с ними приходить к вам. Но посмотри, какой смех! Чего, по описанию этого философа, учитель его избегал, как дела детского, того сам он более всего домогался. Так-то во всех случаях водились они одним честолюбием! А в Платоне ничего нет удивительного, кроме этого одного. Подобно тому, как, открыв гробы, отвне повапленные, ты увидишь, что они наполнены тлением и зловонием и сгнившими костями, подобно этому и в мнениях этого философа, если обнажишь их от прикрас в выражении, увидишь много мерзости, особенно когда он философствует о душе, без меры и превознося ее, и унижая. Дьявольская это хитрость – ни в чем не соблюдать умеренности, но, увлекая в противоположные крайности, вводить в заблуждение. Иногда он говорит, что душа причастна Божескому существу; а иногда, возвысив ее так неумеренно и так нече-

ство, оскорбляет ее другою крайностию, вводя ее в свиней и ослов, и в других животных, еще хуже. Но об этом довольно или, лучше сказать, и то уже чрез меру. Если бы можно было научиться от них чему-нибудь полезному, то следовало бы и более ими заняться. А так как нужно было только обнаружить их постыдные и смешные стороны, то и это сказано нами более надлежащего. Итак, оставив их басни, приступим к нашим догматам, свыше принесенным к нам в устах этого рыбака и ничего человеческого не имеющим. Станем же рассматривать его изречения и, к чему призывали мы вас вначале, то есть чтобы вы тщательно внимали словам нашим, то же самое напоминаем вам и теперь. Итак, чем же начинается евангелист свое сказание? *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу.*

Видишь ли ты в этом изречении все его дерзновение и силу? Как он вещает, нисколько не колеблясь, не ограничиваясь догадками, но все говоря положительно? Свойство учителя – не колебаться в том, что сам он говорит. А если бы кто, желая наставлять других, нуждался в человеке, который бы мог поддерживать его самого, то, по справедливости, ему следовало бы занимать место не учителя, а учеников. Если же скажет кто-нибудь: почему евангелист, оставив первую Причину, тотчас начал беседовать с нами о второй? – то говорить о *первом* и *втором* мы отказываемся. Божество выше числа и последовательности времен, поэтому и отрекаемся говорить так, но исповедуем Отца самосущего и Сына, от Отца рожденного.

4. Так, скажешь ты; но почему же (евангелист), оставив Отца, говорит о Сыне? Потому, что Отец был всеми признаваем, хотя и не как Отец, а как Бог; но Единородного не знали. Поэтому-то и справедливо евангелист поспешил тотчас, в самом начале, предложить познание о Нем для тех, которые не ведали Его. Впрочем, и об Отце он не умолчал в этих же словах. Обрати внимание на духовный смысл их. Знал он, что люди *искони* и прежде всего признавали и чтити Бога. Поэтому сперва и говорит (о бытии Сына): *в начале*, а потом далее называет Его и Богом, но не так, как Платон, который одного называл умом, а другого душою. Это чуждо Божественного и бессмертного естества. Оно не имеет ничего общего с нами, но весьма далеко от общения с тварию, – разумею по существу, а не по действиям. Поэтому-то евангелист и называл Его Словом. Имея намерение вразумить (людей), что это Слово есть Единородный Сын Божий, евангелист, чтобы кто-нибудь не предположил здесь страстного рождения, предварительно наименованием Сына Словом уничтожает всякое злое подозрение, показывая и то, что Он есть от Отца Сын, и то, что Он (рожден) бесстрастно.

Видишь ли, как я сказал, что в словах о Сыне он не умолчал и об Отце? Если же этих объяснений недостаточно для совершенного уразумения этого предмета, не удивляйся: у нас теперь речь о Боге, о Котором невозможно достойным образом ни говорить, ни мыслить. Поэтому и евангелист нигде не употребляет выражения: существо, – так как и невозможно сказать, что есть Бог по Своему существу, – но везде показывает нам Его только из Его действий. Так видим, что это Слово немного после называется у него Светом, и опять Свет этот именуется Жизнью. Впрочем, не по этой одной причине он так называл Его, но, во-первых, по этой причине, а во-вторых, потому, что Слово имело возвестить нам об Отце. *Вся, елика слышал от Отца, сказано, возвестил вам* (см.: Ин. 15, 15). Называет же Его вместе и Светом, и Жизнью потому, что Он даровал нам свет ведения, а отсюда – жизнь. Вообще же нет ни одного такого имени, нет таких ни двух, ни трех и более имен, которые были бы достаточны для выражения того, что касается Божества. По крайней мере желательно, чтобы хотя многими (именами), хотя и не вполне ясно, можно было изобразить Его свойства. Не просто же евангелист назвал Его Словом, а с прибавлением члена (б)², отличая Его и этим от всех других (существ).

Видишь ли, как не напрасно я сказал, что этот евангелист вещает нам с Небес? Смотри, куда он тотчас, в самом начале, воспарив, возвел душу и ум своих слушателей. Поставив ее выше всего чувственного, выше земли, выше моря, выше неба, он возводит ее превыше самих

² В греческом тексте: *ὁ Λόγος*.

Ангелов, горних Херувимов и Серафимов, выше Престолов, Начал, Властей и вообще убеждает ее вознестись выше всего сотворенного. Что же? Ужели, возведши на такую высоту, он мог остановить нас здесь? Никак. Но подобно тому, как если бы человека, стоящего на берегу моря и обозревающего города, берега и пристани, привел кто-нибудь на самую середину моря и тем, конечно, удалил бы его от прежних предметов, однако ж ни на чем не мог бы остановить взора его, а только ввел бы его в неизмеримое пространство зрения, – так и евангелист, возведши нас выше всякой твари, устремив нас к вечности, ей предшествовавшей, оставляет взор наш носиться, не давая ему достигнуть в высоте какого-либо конца, так как там и нет конца. Разум, восходя к началу, испытывает, какое это начало. Потом, встречая: *бе*, всегда предваряющее его мысль, не находит, где бы ему остановить свой помысл, но, напрягая взор и не имея возможности ничем его ограничить, утруждается и опять возвращается долу. Выражение: *в начале бе* означает не что иное, как бытие присносущное и беспредельное. Видишь ли истинное любомудрие и догматы божественные, – не такие, как у эллинов, предполагающих времена и признающих одних богов старшими, других младшими? Ничего подобного нет у нас. Если Бог *есть*, как и действительно *есть*, то ничего нет прежде Его. Если Он – Творец всего, то Он – первое всего. Если он – Владыка и Господь всего, то все – после Него, и твари и веки. Хотел я дойти и до других рассуждений, но, может быть, утомилась (ваша) мысль. Поэтому, предложив еще некоторые наставления, которые могут быть полезны вам для разумения как уже предложенных бесед, так и будущих впоследствии, я замолкну. Какие же это наставления? Знаю, что многие утомляются от продолжительности бесед. Но это бывает тогда, когда душа обременена многими житейскими попечениями. Как зрение, когда оно чисто и ясно, бывает остро и не утомляется, легко рассматривая мельчайшие предметы, но как скоро какая-нибудь дурная влага стекает с головы (на лицо) или снизу поднимается дым или пар, то пред зрачком образуется как будто густое облако, которое не позволяет ясно видеть и самых больших предметов, так обыкновенно бывает и в душе. Когда она очищена и не имеет в себе никакой возмутительной страсти, тогда она зорко видит то, на что ей взирать должно. Когда же она, будучи помрачена страстями, погубит свою доблесть, тогда неспособна делается ни к чему высокому, скоро утомляется и падает, склоняется ко сну и лени, опускает из виду то, что могло бы способствовать ей к добродетели и жизни добродетельной, и не обращается к ней с ревностью.

5. Итак, чтобы и с вами этого не случилось (я же не перестану внушать вам это), укрепите дух ваш, чтобы не услышать вам тех же слов, какие сказаны были Павлом верующим евреям. И для них, говорил он, *многое было слово и неудобь сказанное глаголати*, – не потому, чтобы таково оно было по существу своему, но *понеже*, говорит он, *вы немощны бысте слухи* (Евр. 5, 11). Больной и немощной обыкновенно утруждается также кратким, как и продолжительным словом и предметы ясные и удобопонятные считает труднопостигаемыми. Но здесь да не будет ничего такого; но пусть каждый внимает учению, отложив всякое житейское попечение. Когда слушателем овладевает пристрастие к богатству, то невозможно, чтобы его занимало подобным образом и желание слушать поучения, потому что душа, сама в себе единая, не может вмещать в себе многих желаний, но одно желание подавляется другим, и душа, таким образом как бы разрываемая, делается еще слабее. Между тем если какое-либо желание преобладает, то уже все обращает в свою пользу. Так обыкновенно случается и с детьми. Когда кто имеет у себя только одно дитя, то крайне любит этого одного; когда же сделается отцом многих детей, то и расположенность его к ним, разделившись, становится слабее. Если же так бывает там, где господствует естественное влечение и сила и где любимые предметы сродны между собою, то что сказать о произвольном расположении и увлечении, и особенно когда виды любви прямо противоположны один другому? А любовь к богатству противна любви к поучениям. Входя сюда, мы входим на Небо, не по месту, разумею, но (по душевному) расположению. Ведь можно, и находясь на земле, стоять на Небе, созерцать тамошние предметы и слушать исходящие оттуда глаголы. Итак, никто не приносит на Небо ничего земного. Никто,

стоя здесь, не озабочивайся делами домашними. Отсюда бы надлежало переносить в дом и на торжище пользу, здесь приобретенную, и сохранять ее там, а не это место наполнять попечениями, свойственными дому и торжищу. Для того-то мы и приступаем к учительской кафедре, чтобы здесь очищать скверны, отвне к нам привходящие. Если же и среди этого малого поучения мы хотим растлеваться посторонними речами или делами, то лучше бы и не начинать. Пусть же никто в церкви не печется о делах домашних; напротив, пусть и в доме размышляет о предметах церковного учения. Пусть они будут для нас предпочтительнее всего, так как они относятся к душе, а те (домашние дела) к телу; лучше же сказать – и душе, и телу полезны здешние поучения. Поэтому пусть будут они делом главным, а все прочее – делом мимоходным. Они принадлежат и настоящей жизни, и будущей, а дела внешние – ни той, ни другой, если не располагаются по правилам, основанным на первых. Здесь единственно можно научиться не только тому, чем будем мы после этой жизни и как тогда будем жить, но и тому, как управлять жизнь настоящую. Этот дом есть духовная лечебница, устроенная для того, чтобы в ней врачевали мы те раны, которые получаем отвне (в мире), а не для того, чтобы выходить отсюда с новыми ранами. Если же мы не станем внимать тому, что глаголет нам Дух Святой, то не только не очистим прежних ран, но еще и другие получим. Будем же со всем тщанием внимать этой книге, теперь пред нами раскрываемой. Впоследствии не много потребно будет труда (для ее изучения), если тщательно мы узнаем ее начальные и основные изречения, но, потрудившись немного вначале, будем потом в состоянии, по слову Павла, *и иных научити*. Апостол Иоанн весьма возвышен, обилен многими догматами и о них беседует более, нежели о чем-нибудь другом. Будем притом слушать не мимоходом. Для того-то мы и изыскаем (Евангелие) понемногу, чтобы для вас все было удобопонятно и чтобы ничто не выходило из памяти. Убоимся же сделаться виновными пред тем голосом, который сказал: *еще не бых пришел и глаголах им, греха не быша имели* (Ин. 15, 22). Какое мы будем иметь преимущество пред теми, которые вовсе не слышали (Евангелия), если и после слушания уйдем домой, ничего не имея, а только удивляясь произнесенным словам? Дайте нам сеять на добрую землю; дайте для того, чтобы еще более побудить нас (к сеянию). Если кто имеет в себе терние, пусть воспламенит огонь Духа; кто имеет сердце грубое и упорное, пусть сделает его мягким и удобопреклонным, пользуясь тем же огнем. Если кто, находясь при пути, попирается всякими помыслами, пусть входит во внутреннейшие чувства и не сообщается с теми, которые хотят войти туда на расхищение, и тогда мы увидим нивы ваши тучными. Если таким образом мы будем о себе заботиться и с трудолюбием прилежать к этому духовному собеседованию, то хотя и не вдруг, по крайней мере мало-помалу, отрешимся от всего житейского. Будем внимательны, чтобы не было и о нас сказано: *яко аспида глуха уши их* (см.: Пс. 57, 5). Скажи мне, чем различается от зверя такой слушатель? Напротив, не бессловеснее ли всякого бессловесного тот, кто остается невнимательным, когда говорит Бог? Если быть человеком в том состоит, чтобы благоугождать Богу, то не хотящий даже слышать о том, как это исполнить, что есть иное, как не зверь? Подумай же, как велико это зло, если тогда, как Христос желает сделать нас из людей равноангельными, мы сами себя превращаем из людей в зверей! Быть рабом чрева, быть одержиму страстию к богатству, гневаться, терзать, попирать ногами других, – свойственно не людям, а зверям. Впрочем, каждый зверь имеет, так сказать, свою особенную страсть, и притом по природе, а человек, свергший с себя власть разума, отторгшийся от жизни по Боге, предает себя всем страстям, и делается уже не зверем только, но каким-то чудовищем разнovidным и разнохарактерным, и в самой природе своей уже не находит для себя извинения. Всякое зло происходит от произволения и свободных намерений. Но да не будет, чтобы когда-либо помыслить это о Церкви Христовой! О вас мы думаем лучше, и имеем надежду спасения. Но, чем более мы уверены в этом, тем более не оставим предохранительных внушений, чтобы, взошедши на самый верх добродетелей, достигнуть нам с вами обетованных благ, которых да сподобимся все мы, бла-

годатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

Беседа III

В начале бе Слово (I, I)

Изъяснение I, 1. О посвящении Господу одного из семи дней недели. – Какое воспитание должно давать юношеству. – Мнение еретиков – ариан о Боге Слове. – Доказательства вечности Слова. – Против тщеславия. – Производимое им зло. – Ему приносят в жертву свои богатства. – Ради него делают все в угоду народу. – Слава народа есть истинная слава. – Как нужно поступать с толпой. – Пусть один Бог будет зрителем и хвалителем добрых дел.

Излишне было бы теперь убеждать вас к внимательному слушанию. Вы уже поспешили показать это на самом деле. Это стечение, это стояние с напряженным вниманием, эта поспешность, отгесняя друг друга, занять ближайшее место, откуда внятнее для вас был бы слышен наш голос, нежелание выйти отсюда, несмотря на тесноту, пока не окончится это духовное зрелище, рукоплескания и возгласы одобрения, – все свидетельствует о вашей душевной теплоте и усердии к слушанию. Потому-то и излишне увещевать вас к слушанию, а нужно только внушить вам, чтобы вы и всегда сохраняли в себе такое усердие, и не только бы здесь его показывали, но чтобы, и дома находясь, муж с женою, отец с детьми беседовали об этом; пусть одни передают другим и спрашивают друг друга, и пусть все оказывают взаимно такую добрую помощь. Никто не говори мне, что нам не нужно заниматься этим с детьми. Не только этим должно заниматься, но об этом только одном и надобно бы вам заботиться. Однако ж, ради немощи вашей, я уже не говорю этого; я и не отвожу детей от посторонних занятий, также как и вас не отвлекаю от общественных дел. Я считаю только справедливым, чтобы из семи дней один посвящен был общему нашему Господу. В самом деле, как это несообразно – рабам своим приказывать, чтобы они все время служили нам, а нам самим не уделить и малейшего времени для Господа, и притом тогда как наше служение не приносит Ему ничего (потому что Бог ни в чем не нуждается) и только нам же самим обращается в пользу! Когда вы водите детей на зрелище, то не находите препятствия к этому ни в науках, ни в другом чем-нибудь. А когда надобно собрать и получить какую-нибудь духовную пользу, вы это дело называете бездельем. Как же вы не прогневаете Бога, когда во всем другом упражняете своих детей и на то находите время, а занимать их делом Божиим считаете тягостным и неблагоприятным для детей?

Нет, не так, братие! Этот-то возраст преимущественно и нуждается в таких уроках. Возраст нежный, – он скоро усваивает себе то, что ему говорят, и, как печать на воске, в душе детей отпечатлевается то, что они слышат. А между тем и жизнь их тогда уже начинает склоняться или к пороку, или к добродетели. Потому, если в самом начале и, так сказать, в преддверии отклонить их от порока и направить их на лучший путь, то на будущее время это уже обратится им в навык и как бы в природу, и они уже не так удобно по своей воле будут уклоняться к худшему, потому что навык будет привлекать их к делам добрым. Тогда и для нас они будут достопочтеннее самих стариков, и для гражданских дел они будут полезнее, обнаруживая в юности свойства старцев. Невозможно, как я и прежде говорил, чтобы наслаждающиеся таким слушанием (Евангелия) и внимающие такому Апостолу отходили отсюда, не получив какого-либо истинного, великого блага, будет ли участником в этой трапезе муж, или жена, или юноша. Если мы, приучая зверей к нашим словам, таким образом укрощаем их, то не гораздо ли более чрез это духовное учение мы можем исправлять людей, когда там и здесь есть великое различие и между врачевствами и между врачуемыми? Ведь и грубость в нас не такова, как в зверях:

у них она зависит от природы, а у нас от воли; да и сила слов не одинакова: там она происходит от человеческой мысли, а здесь – от силы и благодати Духа. Итак, кто отчаивается в себе самом, тот пусть помыслит об укрощенных зверях, – и он никогда не впадет в отчаяние. Пусть всегда приходит он в эту лечебницу; пусть постоянно слушает законы Духа, возвращаясь домой, слышанное записывает в своем уме. Таким образом, он будет в доброй надежде и в безопасности, на самом деле чувствуя успех. И диавол, как скоро увидит, что в душе написан Закон Божий, а сердце сделалось скрижалями этого Закона, уже не будет более приступать. Где будут царские письма, не на столе медном начертанные, но в боголюбивом сердце Духом Святым напечатленные и благодатию блистающие, – туда он не сможет даже и заглянуть, а далеко отбежит. Для него и для помыслов, от него влагаемых, ничто так не страшно, как мысль, занятая предметами божественными, душа, постоянно прилежащая к этому источнику. Такую-то не может ни опечалить что-либо в настоящем, хотя бы то было и неприятное, ни надмать что-либо благоприятное; но, среди бурь и волнений, она будет наслаждаться тишиною.

2. Да и не от природы вещей происходит наше смущение, а от немощи нашего духа. Если бы мы подвергались этому страданию вследствие обстоятельств, то все люди должны были бы испытывать его, потому что все мы плывем по одному и тому же морю, на котором невозможно миновать волн и бурь. Если же есть люди, которые остаются вне бури и волнений моря, то очевидно, что бурю производят не обстоятельства, но состояние нашего духа. Следовательно, если мы настроим душу так, чтобы она все легко переносила, то не будет для нас ни бури, ни потопления, а будет всегда благоприятная тишина. Но я не знаю, как, предположив себе ничего такого не говорить, я так увлекся этим поучением. Простите мне это многословие. Я боюсь, и очень боюсь, чтобы не ослабело в вас теперешнее усердие. Если бы я уверен был в этом, то не стал бы теперь говорить вам ничего такого. Усердие может облегчить для вас всякое дело. Время, однако же, заняться предстоящим сегодня, чтобы вы не утомленные выступили на поприще. Предстоят же нам подвиги против врагов истины, против таких, которые все придумывают к тому, чтобы уничтожить славу Сына Божия, лучше же сказать – свою собственную. Слава Сына Божия всегда пребывает такою, какова она есть, нисколько не уменьшаясь от злохульного языка; но те, которые стараются уничтожить Того, Кому, по словам их, они поклоняются³, покрывают лица свои бесчестьем, а душу подвергают казни. Итак, что же они говорят, когда мы так рассуждаем? Говорят, что изречение – *в начале бе Слово* еще не доказывает прямо вечности (Сына), потому что то же сказано и о небе, и о земле (см.: Быт. 1, 1). О, бесстыдство и нечестие! Я беседую с тобою о Боге, а ты мне указываешь на землю и людей, происшедших от земли. Таким образом, если Христос называется Сыном Божиим и Богом, также и человек называется Сыном Божиим и Богом (как, например: *аз rex: бози есте, и сынове Вышняго еси* – Пс. 81, 6), ужели поэтому ты будешь состязаться с Единородным о сыновстве и скажешь, что в этом отношении Он не имеет никакого преимущества пред тобой? Никак, говоришь ты. Однако ж ты это делаешь, хотя и не выражаешь на словах. Каким образом? Ты утверждаешь, что и ты участвуешь в усыновлении по благодати, и Он – тоже. Если ты говоришь, что Он есть Сын не по естеству, то этим выражаешь не иное, а именно то, что Он – Сын по благодати. Впрочем, рассмотрим и свидетельства, какие приводят нам. Сказано: *в начале сотвори Бог небо и землю. Земля же бе невидима и неустроена* (Быт. 1, 1). Также: *бе человек от Армафем Сифы* (1 Цар. 1, 1). Вот свидетельства, которые они считают сильными! И действительно это сильно, но – для доказательства утверждаемой нами правоты догматов; а для поддержания хулы (еретиков) ничего не может быть слабее этих доказательств. Скажи, что общего имеют слова: *сотвори* и *бе*? Или что общего у Бога с человеком? Для чего ты смешиваешь то, что не терпит смешения, сливаешь раздельное и горнее делаешь дольным? Здесь

³ Святитель Иоанн Златоуст понимает ариан [еретиков], которые признавали Сына Божия существом достойным поклонения, только не совечным и не единосущным Отцу.

слово: *бе* не одно, само по себе, означает вечность, а в соединении с другими выражениями: *в начале бе*, и: *Слово бе*. Подобно тому, как выражение: *сый*, когда говорится о человеке, показывает только настоящее время, а когда о Боге, то означает вечность, так и выражение: *бе*, когда говорится о нашем естестве, означает прошедшее для нас время, и именно известный предел времени, а когда о Боге, то выражает вечность. Итак, слыша о *земле и человеке*, не следует предполагать о них ничего более того, что свойственно природе сотворенной. Все сотворенное, что бы то ни было, произошло во времени или в известном пределе его. А Сын Божий выше не только всякого времени, но и всех веков. Он есть Творец их и Создатель. *Имже*, сказано, *и веки сотвори* (Евр. 1, 2). Творец же, конечно, существует прежде своих творений. Но так как некоторые до такой степени бесчувственны, что и после этого думают нечто высокое о своем достоинстве, то слово Божие выражениями: *сотвори* и *человек бе* предвзвешивает такую мысль слушателей и уничтожает всякое бесстыдство. Все сотворенное, как земля, так и небо, сотворено во времени, имеет временное начало, и безначального в них нет ничего, потому что все (в известное время) получило бытие. Итак, когда ты услышишь выражения: *сотвори землю* и *человек бе*, то излишне будешь суесловить, сплетая только бесполезную болтовню. Но я скажу еще нечто большее. Что же это? То, что если бы и о земле сказано было: *в начале бе земля*, и о человеке: *в начале бе человек*, то и в таком случае мы не должны были бы предполагать о них ничего более того, что нам известно о них ныне. Уже одно наперед стоящее имя *земли* и *человека*, что бы потом об них ни говорилось, не позволяет уму воображать о них что-нибудь больше того, что ныне мы знаем; так же как и, наоборот, выражение: *Слово*, хотя бы что-нибудь маловажное сказано было о Нем, само по себе не позволяет думать при этом ничего низкого и ничтожного. А о земле далее говорится: *земля же бе невидима и неустроена*. Таким образом, сказав, что Бог сотворил землю и положил ей свойственный предел, бытописатель безопасно уже повествует о ней дальнейшее, зная, что никто не будет столько бессмыслен, чтобы почитать землю безначальною и несотворенною. Имя *земли* и выражение *сотвори* достаточны для того, чтобы убедить самого несмысленного человека, что земля не вечна и не безначальна, но принадлежит к числу вещей, происшедших во времени.

3. Кроме того, выражение: *бе*, когда употребляется о земле и человеке, означает не просто бытие, но в отношении к человеку – происхождение его из известной страны, а в отношении к земле – качество ее бытия. Так Моисей не сказал просто: *земля же бе*, и потом умолк, но показал, в каком состоянии она была и после своего происхождения, то есть она была *невидима и неустроена*, еще покрыта водами и смешана с ними. И об Елкане не сказано только, что был человек, но в пояснение присовокуплено, откуда он был: *от Армафем Сифы*. Но о Слове (говорится) не так. Стыжусь я и сличать между собою такие предметы! Если мы запрещаем делать сравнение между людьми, как скоро сравниваемые весьма различны между собою по достоинствам, хотя существо их одно, то там, где столь беспредельное расстояние и по существу, и по всему прочему, не крайнее ли безумие – делать такие сличения? Но да будет милостив к нам Тот, Кто хулится ими! Не мы открыли надобность в таких рассуждениях, но нам подают к ним повод те, которые вооружаются против собственного спасения.

Итак, что же я говорю? То, что выражение: *бе*, в отношении к Слову, означает, во-первых, вечность Его бытия: *в начале*, сказано, *бе Слово*. А во-вторых, то же *бе* показывает, что Слово было у кого-либо. Так как Богу по преимуществу свойственно бытие вечное и безначальное, то прежде всего это и выражено. Потом, чтобы кто-нибудь, слыша: *в начале бе Слово*, не признал Его и нерожденным, такая мысль предупреждается тем, что прежде замечания, что было Слово, сказано, что Оно *бе к Богу*. А чтобы кто-либо не почел Его словом только произносимым или только мысленным, для этого прибавлением члена (о), как я уже прежде сказал, и другим выражением (*к Богу*) устранена и такая мысль. Не сказано: *бе в Боге*, но: *бе к Богу*, чем означает вечность Его по Ипостаси. Далее еще яснее открывается это в присовокуплении, что *Бог бе Слово*. Но это Слово сотворенное, скажет кто-либо. Если так, то что же

препятствовало сказать, что в начале сотворил Бог Слово? Так Моисей, повествуя о земле, не сказал: *в начале бе земля*, но сказал, что (Бог) сотворил ее, и тогда уже она *бе*. Что же, говоря, препятствовало и Иоанну подобным образом сказать, что в начале *сотвори Бог Слово*? Ведь если в рассуждении земли Моисей опасался, как бы не назвал ее кто-нибудь несотворенною, то гораздо более Иоанну следовало бы страшиться этого относительно Сына (Божия), если бы Он был сотворен. Мир, будучи видим, сам по себе проповедует Творца: *небеса*, сказано, *поведают славу Божию* (Пс. 18, 1). Но Сын невидим и притом несравненно и беспредельно выше твари. Итак, если здесь, где не нужно было для нас ни слова, ни учения, чтобы признать мир сотворенным, Пророк, однако ж, ясно и прежде всего дает нам это видеть, – то гораздо более Иоанну нужно было бы сказать это о Сыне, если бы Он был сотворен. Так, скажут; однако ж Петр высказал это ясно и определенно? Где же и когда? Тогда, когда, беседуя с иудеями, говорил: *яко Господа Его и Христа Бог сотворил есть* (см.: Деян. 2, 36). А почему же ты не при- совокупляешь и дальнейших слов, именно: *сего Иисуса, Егоже вы распяте*? Или не знаешь, что одни изречения относятся к нетленному естеству, а другие к воплощению? Иначе если все вообще будешь разуметь о Божестве, то придешь к заключению, что Божество и страданиям подвержено. Если же оно не причастно страданиям, то и не сотворено. Если бы кровь истекла из самого Божеского и неизреченного естества, и оно, вместо плоти, было пронзено и рассе- чено гвоздями на Кресте, то хитрословие твое в этом случае имело бы основание. Но как и сам диавол не стал бы таким образом богохульствовать, то для чего же ты притворно принимаешь на себя такое непростительное неведение, которым и демоны не прикрывали себя? Притом же слова: *Господь и Христос* относятся не к существу, но к достоинству. Первое означает власть, а второе – помазание. Итак, что же ты скажешь о Сыне Божиим? Если бы Он и был сотворен, по вашему мудрованию, – эти изречения не имели бы места. Нельзя представить себе, что Он сперва был сотворен, а потом Бог поставил Его (Господом и Христом). Он неотъемлемое имеет начальство, и имеет его по самому естеству и существу Своему. Будучи спрошен, Царь ли Он есть, отвечал: *Аз на сие родихся* (Ин. 18, 37). А Петр говорит здесь о Нем, как о поставленном (в Господа и Христа), и – это относится у него только к воплощению.

4. Что удивляешься, если Петр говорит это? И Павел, беседуя с афинянами, называет Его только мужем, говоря так: *о Муже, Егоже представил, веру подая всем, воскресив Его от мертвых* (Деян. 17, 31). Ничего не говорит он здесь ни об *образе Божиим*, ни о *равенстве* Его (с Отцом), ни о том, что Он есть *сияние славы Его*. Так и следовало. Тогда еще не время было для такого учения, а желательно было, чтобы они прежде приняли, что Он – человек и что воскрес. Так делал и Сам Христос; а от Него и Павел, научившись, таким же образом устраивал дела своей проповеди. Не вдруг Христос открыл нам Свое Божество, но сперва был почитаем только за Пророка и Христа, – как бы простого человека; уже впоследствии из дел и слов Своих явился тем, чем был. Потому-то и Петр вначале употребляет такой же образ речи. Это была первая всенародная проповедь его к иудеям. И так как они еще не в состоянии были ясно познать Божество Его, то Апостол обращает к ним слово о воплощении, чтобы слух их, приобученный этим словом, предрасположен был и к прочему учению. Если захочет кто прочитать всю проповедь Апостола от начала, для того весьма ясно будет то, что я говорю. Апостол Петр также и мужем называет Его, и пространно рассуждает о Его страданиях, Воскресении и рождении по плоти. И Павел, когда говорит: *бывшем от Семени Давидова по плоти* (Рим. 1, 3), не иное что внушает нам, а именно то, что слово: *сотвори* употреблено в отношении к воплощению, как и мы исповедуем. Напротив, сын громов говорит нам ныне о бытии неизреченном и предвечном; потому, оставив слово *сотвори*, он поставил: *бе*; тогда как, если бы Сын Божий был создан, это-то особенно и нужно было бы с точностию показать. Если Павел опасался, как бы кто-нибудь из неразумных не предположил, что Сын больше Отца и что Родивший некогда покорится Ему, почему и говорил в Послании к Коринфянам: *всегда же реши, яко вся покорена суть Ему, яве, яко разве покоршаго Ему вся* (1 Кор. 15, 27), – хотя кто мог бы подумать,

что Отец когда-нибудь подчинится Сыну, наравне со всеми тварями? – если Павел опасался таких безрассудных мнений и потому сказал: *разве покоршаго Ему вся*, то гораздо более надлежало Иоанну, если бы Сын Божий был сотворен, опасаться, чтобы кто-нибудь не признал Его несотворенным; и это-то прежде всего надлежало ему изъяснить. Но теперь, так как Сын рожден, то и справедливо ни Иоанн, ни другой какой-либо Апостол или Пророк не сказали, что Он сотворен. Да и Сам Единородный не преминул бы сказать об этом, если бы это было так. Тот, Кто по снисхождению так смиренно говорил о Себе, тем более не умолчал бы об этом. Я считаю не невероятным, что Он скорее умолчал бы о Своем величии, которое имел, нежели, не имея его, оставил бы без замечания, что Он не имеет этого величия. То было благовидное побуждение к умолчанию – желание научить людей смиренномудрию, и поэтому Он умалчивал о том, что великого принадлежит Ему. А здесь ты не можешь указать никакого справедливого предлога к умолчанию. Если бы Он был создан, для чего было бы Ему умалчивать о Своем происхождении, когда Он не упоминал о многом таком, что действительно принадлежало Ему? Тот, Кто для научения смиренномудрию часто говорил о Себе уничиженно и приписывал Себе то, что на самом деле не свойственно Ему, Тот, говорю, если бы был создан, гораздо более не преминул бы сказать об этом. Или ты не видишь, как Он Сам все с тою целию, чтобы никто не признавал Его *нерожденным*, и говорит и делает, даже говорит о Себе по видимому несообразно с Своим достоинством и существом, и нисходит до смирения Пророка? Изречения: *якоже слышу, сужду*, также: *Он Ми рече, что реку, и что возглаголю* (см.: Ин. 5, 30; 12, 49) и тому подобные свойственны только Пророкам. Итак, если, желая отстранить такое предположение, Он не обинуясь говорил о Себе столь смиренные слова, то тем более Он говорил бы подобным образом, если бы был создан, чтобы кто-нибудь не признал Его несозданным, – например: «не думайте, что Я рожден от Отца; Я сотворен, а не рожден, и – не одного с Ним существа». Но Он делает все напротив. Он употребляет такие выражения, которые невольно, даже не желающих того, заставляют принять противное мнение. Так, Он говорит: *яко Аз во Отце, и Отец во Мне* (Ин. 14, 10); также: *только время с вами есмь, и не познал еси Мене, Филиппе; видевши Мене виде Отца* (ст. 9); или: *да еси чтут Сына, якоже чтут Отца* (5, 23); *якоже Отец воскрешает мертвых и живит, тако и Сын, ихже хочет, живит* (ст. 21); *Отец Мой доселе делает, и Аз делаю* (ст. 17); *якоже знает Мя Отец, и Аз знаю Отца; Аз и Отец едино есма* (10, 15, 30). Везде употребляя выражение: *якоже*, и: *так*, показывает, что Он *едино* с Отцом и что имеет нераздельное с Ним существо. А силу власти Своей Он обнаруживает как в этих же изречениях, так и во многих других, – так, например, когда говорит: *молчи, престани; хощу, очистися; тебе глаголю, бесе глухий и немый, изыди из него*; также: *слышасте, яко речено бысть древним: не убиеш; Аз же глаголю вам: яко гневаяся на брата своего всуе, повинен есть* (см.: Мк. 4, 39; Мф. 8, 3; Мк. 9, 25; Мф. 5, 21–22). И все другое подобное, что Он законополагает и чудотворит, достаточно доказывает власть Его; а лучше сказать – и самая малейшая часть того может вразумить и убедить людей, не совсем бесчувственных.

5. Но таков дух тщеславия, что оно ослепляет разум увлекаемых им людей, даже в отношении к самым очевидным предметам, побуждает противоречить даже признанным истинам; а других, и очень хорошо разумеющих истину и уверенных в ней, заставляет лицемерно противостоять ей. Так было и с иудеями. Не по неведению отвергали они Сына Божия, а для того, чтобы получить честь от народа. *Вероваши, сказано, в Него, но бояхуся, да не из сонмищ изгнани будут* (см.: Ин. 12, 42), и из угождения другим жертвовали собственным спасением. Да и невозможно, невозможно тому, кто так раболепствует временной славе, получить славу от Бога. Поэтому-то Христос и укорял иудеев, говоря: *како можете веровати, славу от человек приемлюще, ияже от Бога, не ищите?* (см.: Ин. 5, 44). Это какое-то сильное упоение; объятый этою страстию, человек делается неисправим. Она, отторгая от Небес душу своих пленников, пригвождает ее к земле, не позволяет ей воззреть к свету истинному, побуждает постоянно вращаться в тине, приставляя к ним владык столь сильных, что они владеют ими, даже ничего

не приказывая. Тот, кто болят этой болезнью, хотя бы никто не приказывал ему, добровольно делает все, чем только думает угодить своим владыкам. Для них он одевается и в одежды нарядные, и украшает лицо, заботясь в этом случае не о себе, но об угождении другим, и выводит с собой на площадь провожатых, чтобы заслужить от других удивление, и все, что ни делает, предпринимает единственно для угождения другим. Итак, есть ли болезнь душевная тягостнее этой? Человек нередко бросается в бездну, чтобы только другие удивлялись ему. Приведенные слова Христовы достаточно показывают всю мучительную силу этой страсти: но можно еще познать ее и из следующего. Если ты захочешь спросить кого-нибудь из граждан, делающих большие издержки, для чего они тратят столько золота и что значат такие расходы, то ни о чем другом от них не услышишь, как только об угождении толпе. Если же ты опять спросишь их: что же такое толпа? – они ответят: это есть нечто шумное, многомятежное, большею частью глупое, без цели носящееся туда и сюда, подобно волнам моря, составленное часто из разнообразных и противоположных мнений. Кто имеет у себя такого владыку, не будет ли тот жалок более всякого другого? Впрочем, когда мирские люди прилепляются к нему, это еще не так опасно, хотя действительно опасно. Но когда те, которые говорят, что отреклись от мира, страдают тою же или еще тягчайшею болезнью, то это крайне опасно. У мирских только трата денег, а здесь опасность касается души. Когда правую веру меняют на славу и, чтобы прославиться самим, уничижают Бога, – скажи мне, не составляет ли это высшей степени бессмыслия и безумия?

Другие страсти, хотя заключают в себе большой вред, но по крайней мере приносят и некоторое удовольствие, хотя и временное и короткое. Так корыстолюбец, винолюбец, женолюбец имеют некоторое удовольствие, хотя и непродолжительное; но обладаемые страстию тщеславия всегда живут жизнью горькою, лишенною всякого удовольствия. Они не достигают того, что так любят, разумею – славы народной; а хотя по видимому и пользуются ею, на самом же деле не наслаждаются, потому что это вовсе и не слава. Потому и самая страсть эта называется не славою, а тщеславием. И справедливо все древние называли это тщеславием. Она тщетна и не имеет в себе ничего блистательного и славного. Как личины кажутся (снаружи) светлыми и приятными, а внутри пусты, поэтому, хотя и представляются благообразнее телесных (естественных) лиц, однако ж никогда еще и ни в ком не возбуждали любви к себе, точно так, или еще более, слава у толпы прикрывает собою эту неудобоизлечимую и мучительную страсть. Она имеет только снаружи вид светлый, а внутри не только пуста, но и полна бесчестия и жестокого мучения. Откуда же, скажешь, рождается эта безумная и не приносящая никакого удовольствия страсть? Ни откуда более, как только от души низкой и ничтожной. Человек, увлекаемый славою, неспособен мыслить что-либо великое и благородное; он необходимо становится постыдным, низким, бесчестным, ничтожным. Кто ничего не делает для добродетели, а только одно имеет в виду – чтобы понравиться людям, не стоящим никакого внимания, во всяком случае следует погрешительному, блуждающему их мнению, тот может ли стоять чего-нибудь? Заметь же: если бы кто спросил его: как ты сам думаешь о толпе? – без сомнения, он сказал бы, что считает толпу невежественною и бездельною. Что же? Захотел ли бы ты сделаться подобным этой толпе? Если бы и об этом опять кто-нибудь спросил его, то я не думаю, чтобы он пожелал сделаться таким же. Итак, не крайне ли смешно искать славы у тех, кому сам никогда не захотел бы сделаться подобным?

6. Если же ты скажешь, что в толпе много людей и что они составляют одно, то поэтому-то особенно и надобно ее презирать. Если каждый из толпы сам по себе достоин презрения, то, когда таких много, они заслуживают еще большего презрения. Глупость каждого из них, когда они собраны вместе, становится еще большею, увеличиваясь от многочисленности. Поэтому каждого из них порознь, конечно, можно бы исправить, если бы кто взял на себя это дело, но нелегко было бы исправить всех их вместе, – оттого, что безумие их в таком случае увеличивается; они водятся обычаями животных, во всяком случае, следуя один за другим во

мнениях. Итак, скажите мне: в такой ли толпе будете вы искать славы? Нет, прошу и молю. Эта страсть все извратила; она породила любостяжание, зависть, клеветы, наветы. Она вооружает и ожесточает людей, не потерпевших никакой обиды, против тех, которые никакой обиды не сделали. Подверженный этой болезни не знает дружбы, не помнит приязни, нисколько не хочет никого уважить; напротив, все доброе извергши из души, непостоянный, неспособный к любви, против всех вооружается. Сила гнева, хотя и она мучительна и несносна, не постоянно, однако ж, возмущает дух, а только в то время, когда его раздражают другие. Напротив, страсть тщеславия – всегда, и нет, так сказать, времени, в которое она могла бы оставить, потому что разум не препятствует ей и не укрощает ее; она всегда остается, и не только побуждает ко грехам, но, если бы мы успели сделать что-нибудь и доброе, она похищает добро из рук. А бывает так, что она не допускает и начать доброго дела. И если Павел лихоимание называет *идолослужением* (см.: Еф. 5, 5), то как, по справедливости, назвать мать его (лихоимания), корень и источник, то есть тщеславие? Нельзя найти и названия, достойного этого зла!

Итак, воспрянем, возлюбленные, отложим эту порочную одежду, разорвем, рассечем ее, сделаемся когда-нибудь свободны истинною свободою и усвоим себе чувства достоинства, данного нам от Бога. Пренебрежем славой у толпы. Нет ничего столь смешного и унижительного, как эта страсть; ничто столько не преисполнено стыда и бесславия. Всякий может видеть, что желание славы во многих отношениях есть бесславие и что истинная слава состоит в том, чтобы презирать славу, считать ее за ничто, а все делать и говорить только в угождение Богу. Таким образом сможем мы и награду получить от Того, Кто видит все наши дела в точности, если только будем довольствоваться этим одним зрителем их. Да и какая нужда нам в других глазах, когда видит наши дела именно Тот, Кто будет и судить их? Как это несообразно: раб, что ни делает, все делает в угождение господину, не ищет ничего более, как только его внимания, не хочет привлекать на свои дела ничьих чужих взоров, хотя бы зрителями тут были и важные люди, но только то одно имеет в виду, чтобы видел его господин; а мы, имея столь великого над собою Господа, ищем других зрителей, которые не могут принести нам никакой пользы, а могут только, своими взглядами, повредить нам и сделать всякий труд наш напрасным. Да не будет этого, умоляю вас! Но от Кого мы имеем получить награды, Того будем признавать и зрителем, и прославителем наших дел. Не будем ни в чем полагаться на глаза человеческие. А если бы мы захотели достигнуть славы и между людьми, то получим ее тогда, когда будем искать единой славы от Бога. Сказано: *прославляющих Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30). И как богатством мы тогда особенно обилуем, когда презираем его и ищем богатства только от Бога (потому что сказано: *ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам* – см.: Мф. 6, 33), так – и в отношении к славе. Когда уже безопасны будут для нас и богатство и слава, тогда Бог и подаст нам их в изобилии. Но этот дар бывает безопасен тогда, когда не овладевает нами, не покоряет нас себе, не обладает нами, как рабами, но остается в нашей власти, как у господ и свободных. Для того-то Бог и не позволяет нам любить богатство и славу, чтобы они не овладевали нами. А когда мы достигнем такого совершенства, то Он и подаст нам их с великою щедростию. Кто, скажи мне, славнее Павла, который говорит: *не ищем от человек славы, ни от вас, ни от инех* (см.: 1 Сол. 2, 6)? Кто счастливее ничего не имеющего и всем владеющего? Когда мы, как я выше сказал, не будем покоряться владычеству их (богатства и славы), тогда и будем ими обладать, тогда их и получим. Итак, если мы желаем получить славу, будем бегать славы. Таким образом, исполнив законы Божии, сможем мы получить и здешние, и обетованные блага, благодатию Христа, с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

Беседа IV

В начале бе Слово, и Слово бе к Богу (1, 1)

Изъяснение 1, 1. Почему святой Иоанн ограничивается единым словом о воплощении Сына Божия в то время, как другие евангелисты подробно излагают его. – Павел Самосатский и его заблуждение. – Что такое Слово. – Опровержение возражения еретиков против Божества Сына, основывающегося на том, что Сын называется Богом – «Феос» – без члена (артикля). – Лису с Христос пострадал и умер для избавления нас от идолослужения. – Воздавать твари богопочтение, долженствующее Творцу, крайне несправедливо. – Вера и учение бесполезны для спасения, если жизнь и нравы испорчены. – Немедленно должно угащать гнев. – Люди хвалят и порицают по мере того, любят они или ненавидят. – Изображение человека в гневе. – Против тех, которые тщательно соблюдают часы и времена.

1. Детей, только еще начинающих учиться, учителя не подвергают сразу многим трудам, да и в один раз немного занимают их науками, а понемногу, и притом одно и то же часто повторяют им, чтобы удобнее вложить свои уроки в их ум и чтобы дети, наскучив в самом начале множеством (уроков) и трудностию их для своей памяти, не сделались оттого неспособнее к усвоению преподаваемого, потому что от трудности может произойти в них и некоторое расслабление. Таким же образом, желая устроить и свои поучения и облегчить труд для вас, я понемногу беру с этой божественной трапезы и передаю душам вашим. Поэтому я снова коснусь тех же слов Евангелия, не так, чтобы опять говорить одно и то же, а чтобы только присовокупить к сказанному остальное. Итак, возведем же слово к началу. *В начале бе Слово, и Слово бе к Богу.* Когда все прочие евангелисты начинали с воплощения (Матфей говорит: *книга родства Иисуса Христа, сына Давидова*; Лука вначале повествует нам о Марии; и Марк подобным же образом излагает сначала повествование о Крестителе), для чего Иоанн только вкратце коснулся этого предмета, притом уже после тех первых слов, сказав: *и Слово плоть бысть* (ст. 14), а все прочее – Его зачатие, рождение, воспитание, возрастание минуя, вдруг возвещает нам о Его вечном рождении? Какая тому причина, я и скажу вам теперь. Так как прочие евангелисты большею частью повествовали о человеческом естестве Сына Божия, то должно было опасаться, чтобы по этому самому кто-нибудь из людей, пресмыкающихся по земле, не остановился только на этих одних догматах, что и случилось с Павлом Самосатским⁴. Итак, возводя склонных к падению людей от такого пресмыкания по земле и привлекая к Небу, Иоанн справедливо начинает свое повествование свыше, от бытия предвечного. Тогда как Матфей приступил к повествованию, начав от Ирода царя, Лука – от Тиверия Кесаря, Марк – от крещения Иоаннова, евангелист Иоанн, оставив все это, восходит выше всякого времени и века, и там устремляет ум своих слушателей к одному: *в начале бе*, и, не позволяя уму нигде остановиться, не полагает ему предела, как те (евангелисты) – Ирода, Тиверия и Иоанна. Но вместе с этим достойно удивления и то, что как Иоанн, устремившись к возвышеннейшему слову, не оставил, однако ж, без внимания и воплощения, так и они, с особенным тщанием повествуя о воплощении, не умолчали также и о предвечном бытии. И этому так быть должно, потому что один Дух двигал души всех их; а потому они и показали совершенное единомыслие в своем повествовании. Ты же, возлюбленный, когда слышишь *о Слове*, никогда не терпи тех, которые

⁴ Павел Самосатский, епископ Антиохийский, еретик III века.

называют Его творением, равно как и тех, которые почитают Его простым словом. Много есть слов божественных, которыми действуют и Ангелы, но ни одно из этих слов не есть само Божество, а все это только пророчество и Божие повеление. Так обыкновенно называет Писание законы Божии, повеления и пророчества. Поэтому, и говоря об Ангелах, оно присовокупляет: *сильнии крепостию, творящии слово Его* (Пс. 102, 20). Напротив, это Слово (о котором говорит евангелист Иоанн) есть ипостасное Существо, бесстрастно происшедшее от Самого Отца. Это именно, как я и прежде сказал, (евангелист) изобразил самым наименованием *Слова*. Потому как изречение: *в начале бе Слово* означает вечность, так и выражение: *Сей бе искони к Богу* (ст. 1, 2) показывает Его совечность (с Отцом). А чтобы ты, услышав: *в начале бе Слово* и признав Его вечным, не подумал, однако ж, что жизнь Отца на некоторое расстояние, то есть на большое число веков, предшествует (жизни Сына), и, таким образом, чтобы ты не положил начала Единородному, (евангелист) присовокупляет: *искони бе к Богу*, то есть Он так же вечен, как Сам Отец. Отец никогда не был без Слова; но всегда был *Бог* (Слово) *у Бога* (Отца), в собственной, однако ж, Ипостаси. Но как же, скажешь ты, евангелист говорит, что Слово *в мире бе*, если Оно было действительно у Бога? Подлинно, Оно и у Бога было, и в мире было: никаким местом не ограничивается как Отец, так и Сын. Если *величию Его несть конца, и разуму Его несть числа* (см.: Пс. 146, 5), то ясно, что существо Его не имеет никакого временного начала. Ты слышал, что *в начале сотвори Бог небо и землю*? Что ты думаешь об этом начале? Без сомнения, то, что небо и земля произошли прежде всех видимых творений. Так когда слышишь о Единородном, что Он *в начале бе*, разумей бытие Его прежде всего мыслимого и прежде веков. Если же кто скажет: как возможно Сыну не быть по времени после Отца? – происшедший от кого-либо необходимо должен быть после того, от кого произошел, – отвечаем, что таковы только человеческие рассуждения, и тот, кто предлагает такой вопрос, будет, пожалуй, давать еще более нелепые вопросы. Но этого не должно бы допускать даже до слуха. У нас ныне слово о Боге, а не о естестве человеческом, подчиненном порядку и необходимости подобных умствований. Впрочем, для совершенного удовлетворения людей более слабых будем и на это отвечать.

2. Скажи мне: сияние солнца из самого ли естества солнечного истекает, или из чего иного? Всякий, имеющий неповрежденные чувства, необходимо признает, что сияние происходит от того самого естества солнца. Но, хотя сияние исходит от самого солнца, однако ж мы никогда не можем сказать, что оно существует после солнечного естества, потому что и солнце никогда не является без сияния. Итак, если и в видимых и чувственных телах то, что происходит от чего-нибудь другого, не всегда после того существует, от чего происходит, то почему ты не веришь этому в рассуждении невидимого и неизреченного естества? И здесь то же самое, только так, как сообразно это вечному существу. Поэтому и Павел назвал Сына сиянием славы Отчей (см.: Евр. 1, 3), изображая этим и то, что Он рождается от Отца, и то, что Сын совечен Отцу. Скажи же мне: все века и всякое пространство времени не чрез Сына ли произошли? И это необходимо должен признать всякий, кто не потерял еще ума. Итак, нет никакого расстояния (времени) между Отцом и Сыном; а если нет, то Сын не после Отца существует, но совечен Ему. Выражения: *прежде*, и: *после* обозначают понятия времени. Без века или времени никто не мог бы и представить себе таких понятий. А Бог выше времен и веков. Если же, несмотря на то, ты будешь утверждать, что Сын получил начало, то смотри, как бы чрез такие умозаключения не дошел ты до необходимости и Самого Отца подвести под какое-либо начало, под начало хотя первейшее, но все же – начало. Скажи мне: приписывая Сыну какой бы то ни было предел или начало и от этого начала восходя еще выше, не говоришь ли ты, что Отец существует прежде Сына? Очевидно так. Скажи же далее: на сколько прежде Отец существует? Малое или великое расстояние здесь ты укажешь, во всяком случае ты подведешь Отца под начало. Очевидно, что, назвав это расстояние великим или малым, ты будешь, таким образом, измерять его, но измерять нельзя, если с той и другой стороны нет начала. Итак, для этого, сколько от тебя зависит, ты даешь начало и Отцу; и, следовательно, по

вашему рассуждению, не будет уже безначальным и Отец. Видишь ли, как истинно сказанное Спасителем и как слово Его везде являет свою силу? Какое это слово? *Иже не чтит Сына, не чтит и Отца* (см.: Ин. 5, 23). Знаю, что для многих сказанное непонятно; потому мы во многих случаях и остерегаемся вдаваться в подобные умозаключения, так как простой народ не может следить за ними, а если бы и стал следить – не удерживает из них ничего с твердостью и точностью. *Помышления бо смертных боязлива, и погрешительна умышления их* (см.: Прем. 9, 14). Между тем я охотно спросил бы противников наших и о том, что значит сказанное у Пророка: *прежде Мене не бысть ин Бог, и по Мне не будет* (Ис. 43, 10). Если Сын после Отца существует, то как же сказано: *и по Мне не будет*? Или уже вы будете отвергать и самое существо Единородного? А необходимо или наконец на это дерзнуть, или допустить единое Божество в собственной Ипостаси Отца и Сына. Также, каким образом истинно то, что *вся Тем быша* (ст. 3)? Если был век прежде Его, то каким образом существовавшее прежде Него могло бы произойти через Него? Видите ли, до какой дерзости доводит их умствование, после того как однажды поколебали они истину? Почему же не сказал евангелист, что Сын произошел *из не сущаго*⁵, как изъясняет это Павел о всех тварях, говоря: *нарицающую не сущая, яко сущая* (Рим. 4, 17), а говорит: *вначале бе*? Последнее же выражение противоположно первому. Но оно весьма справедливо: Бог не происходит ни от чего и не имеет ничего первее Себя. Скажи же мне еще: не признаешь ли ты, что Творец несравненно превосходнее своих тварей? Но если бы Он был подобен им – тем, что происходил бы из не сущего, то где же было бы Его несравненное превосходство? А что значит изречение: *Аз первый, и Аз по сих, и прежде Мене не бысть ин Бог* (см.: Ис. 41, 4)? Если Сын не одного и того же существа с Отцом, то Он есть иной Бог; если Он не совечен (Отцу), то после Него; и если произошел не из существа Его, то очевидно – сотворен. Если же возразят, что это сказано для отличия (Бога) от идолов, то не должны ли согласиться, что здесь для отличия от идолов говорится о Едином истинном Боге? А если это в самом деле сказано для отличия от идолов, то как же ты изъяснишь все это изречение: *по Мне не будет ин Бог*? Не Сына отвергая, говорит так слово Божие, а выражая только то, что кроме Бога (истинного) нет бога – идольского; но не то, что нет Сына. Хорошо, скажет кто-либо, но не должно ли поэтому и слова: *прежде Мене не бысть ин Бог* понимать так, что не было бога идольского, что, следовательно, Сын был прежде Отца? Но какой демон мог бы сказать это? Я думаю, что и сам диавол не скажет этого. С другой стороны, если Сын не совечен Отцу, то почему ты называешь бытие Его беспредельным? Если Он имеет начало исперва, то, хотя бы Он был бессмертен, Он не может еще быть беспредельным. Беспредельное должно быть без пределов с той и другой стороны. Изъясняя это, и Павел говорит: *ни начала, ни животу конца имея* (см.: Евр. 7, 3), и таким образом выражает и безначальность, и бесконечность, то есть как в том, так и в другом отношении Он не имеет предела; как нет конца, так нет и начала.

3. Далее: каким образом, если Сын есть *живот*, могло быть когда-нибудь время, в которое Он не был?⁶ Если Он есть *живот*, как Он и действительно есть, то все согласятся, что жизнь должна существовать всегда, быть безначальной и бесконечной. Если же было время, когда Его не было, то каким бы образом Он был жизнью других существ, не будучи некогда Сам жизнью? Но как же, скажет кто-либо, евангелист Иоанн сам полагает Ему начало, когда говорит: *в начале бе*. А для чего, я скажу, ты обратил внимание на выражения: *в начале*, и: *бе*, а не помыслишь об изречении – *Слово бе*? Что же? Когда Пророк говорит об Отце: *от века и до века Ты еси* (Пс. 89, 3), то ужели он таким выражением полагает Ему пределы? Никак: он выражает вечность. Так рассуждай и здесь. Евангелист, говоря так о Сыне, не полагает Ему предела. Он и не сказал о Сыне: имел начало, но: *в начале бе*, чрез это *бе* внушая мысль о безначальном бытии Сына. Но вот, скажет еще кто-либо, об Отце сказано с приложением члена (б), а о Сыне

⁵ Так говорили ариане о Сыне Божиим.

⁶ Здесь святитель Иоанн Златоуст имеет в виду выражение ариан о Сыне Божиим: *ὅτε οὐχ ἦν* — было, когда Его не было.

– без члена⁷. Что же? Когда Апостол говорит: *великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*, и также: *сый над всеми Бог*, то вот здесь он упоминает о Сыне без члена. Но он делает это и в отношении к Отцу. В Послании к Филиппийцам он так говорит: *иже, во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу*⁸(2, 6). Также в Послании к Римлянам: *благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа* (1, 7). А с другой стороны, и излишне было прибавлять здесь член, потому что выше он был часто прилагаем к слову: *Бог*. Как, об Отце говоря, евангелист выражает: *Дух есть Бог* (Ин. 4, 24), и мы не отвергаем бестелесности в Боге потому, что к слову *Дух* не приложено члена, так и здесь, хотя при выражении о Сыне не употреблено члена, однако ж Сын поэтому не есть Бог меньший. Почему так? Потому, что, повторяя слова: *Бог*, и: *Бог*, евангелист не показывает нам никакого разделения в Божестве; а даже напротив, сказав прежде: *Бог бе Слово*, он, чтобы кто-нибудь не почел Божество Сына меньшим, тотчас присовокупляет и доказательство истинного Его Божества, приписывает Ему вечность: *Сей бе*, говорит, *искони к Богу*, и – творческую силу: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть* (ст. 3). Это самое и Отец везде чрез пророков поставляет преимущественным доказательством Своего (Божеского) существа. И пророки часто употребляют этот вид доказательства, и не просто только, но и вооружаясь против чествования идолов. *Бози*, сказано, *иже небо и землю не сотвориша, да погибнут* (см.: Иер. 10, 11). И в другом месте: *Аз рукою Моею прострох небо* (см.: Ис. 45, 12); и во всяком случае Он представляет это, как признак Божественности. Но евангелист не довольствуется и этими изречениями, а называет еще Его *животом* и *светом*. Итак, если Он всегда был с Отцом, если Сам все произвел, устроил и содержит (это выражается словом: *живот*), если Он все просвещает, то кто столько безумен, что скажет, будто евангелист хотел в этих изречениях показать меньшую степень Божества Его, тогда как ими-то особенно и можно доказать равенство и нераздельность Его (с Отцом)? Не будем же смешивать твари с Творцом, чтобы и нам не услышать слов: *почтоша и послуживша твари паче Творца* (Рим. 1, 25). Хотя и говорят некоторые, что это сказано о небесах, но, говоря о них, Слово Божие совершенно запрещает служение всякой вообще твари, как дело языческое.

4. Да не подвергнем же себя этой клятве! Для того и пришел (на землю) Сын Божий, чтобы освободить нас от этого служения. Для того Он принял зрак раба, чтобы избавить нас от этого рабства. Для того и подверг Себя оплеванию, заушению, для того претерпел поносную смерть. Не сделаем же всего этого бесплодным (для нас), не будем возвращаться на прежнее, лучше же сказать – еще гораздо тягчайшее нечестие. Не все равно – твари служить и Самого Творца низводить до ничтожества твари, сколько, по крайней мере, это зависит от нас, так как Сам Он пребывает всегда таким, каков есть, по сказанному: *Ты же тойжде еси, и лета твоя не оскудеют* (Пс. 101, 28). Будем же прославлять Его, по преданию отцов; будем прославлять Его и верою, и делами. Нет никакой пользы для нашего спасения от правых догматов, когда наша жизнь развращена. Потому направим ее к благоугождению Богу, удаляя себя от всякой нечистоты, несправедливости, любостяжания, как странники и пришельцы, и чуждые (всему) здешнему. А если кто имеет много денег и стяжания, пусть пользуется ими, как странник, который спустя немного времени волею или неволею должен оставить их. Если кто терпит обиду от кого-нибудь, пусть не вечно гневается, а лучше пусть не гневается и временно. Апостол не позволяет нам продолжать гнева более одного дня. *Солнце*, говорит он, *да не зайдет во гнев вашем* (Еф. 4, 26). И справедливо: надобно желать, чтобы и в такое короткое время не случилось ничего неприятного. А если еще и ночь застигнет нас (во гневе), то дело будет для нас еще хуже, потому что от одного воспоминания о нем возродится в нас безмерный огонь, и мы на

⁷ В подлинном тексте Евангелия: *καὶ ὁ υἱὸς ἦν πρὸς τὸν Θεόν καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος*. Первое: *πρὸς τὸν Θεόν* – относится к Отцу; а последнее: *Θεός* – к Сыну. Ариане и аномей [еретики – Ред.] отсюда делали возражение, что Сын не имеет единого Божеского естества с Отцом.

⁸ Здесь имя Бога двукратно повторяется без члена.

свободе с большим огорчением для себя будем размышлять о нем. Поэтому-то прежде, нежели, к гибели нашей, настанет покой ночи и мы возжем в себе сильнейший огонь, Апостол и повелевает предупреждать и отвращать опасность. Страсть гнева сильна, сильнее всякого пламени; потому и нужно с большою поспешностью предупреждать силу огня и не допускать его до воспламенения. А болезнь эта бывает причиною многих зол. Она ниспровергает целые дома, разрывает давнее содружество, в короткое и скорое время производит самые неутешительные случаи. *Устремление бо ярости его*, сказано, *падение ему* (Сир. 1, 22). Итак, не оставим этого зверя без обуздания, но набросим на него со всех сторон крепкую узду – страх будущего суда. Если тебя оскорбит друг или огорчит кто-нибудь из ближних – помысли тогда о согрешениях своих против Бога и о том, что своею кротостию в отношении к ним ты умилиставишь для себя более и тот (будущий) суд, – сказано: *оставите, и вставится вам* (см.: Лк. 6, 37), – и гнев тотчас отбежит (от тебя). При этом обрати внимание также и на то, когда ты, будучи приведен в ярость, удерживал себя, и когда был увлечен страстию, сравни то и другое время, – получишь и отсюда значительное исправление. Скажи мне: когда ты хвалишь себя: тогда ли, когда был побежден (гневом), или тогда, когда победил? Не тогда ли именно (когда увлекаемся гневом) мы наиболее обвиняем себя и стыдимся, хотя бы и никто нас не обличал, и приходим к раскаянию в своих словах и делах? А когда преодолеваем гнев, не торжествуем ли тогда и не хвалимся ли, как победители? Победа над гневом состоит не в том, чтобы воздавать за обиду тем же (это не победа, а совершенное поражение), но – в том, чтобы с кротостию переносить оскорбления и поношения. Не делать, а терпеть зло, – вот истинное преимущество. Поэтому не говори во гневе: «вот и я восстану, вот и я нападу на него». Не сопротивляйся и тем, которые убеждают тебя укротить гнев, не говори: «не потерплю, чтобы такой-то насмеялся надо мной». Да он никогда и не насмеется над тобой, разве – когда ты сам на него вооружишься. А если он и тогда посмеется над тобой, то разве только в безумии сделает это. Ты же, побеждая, не ищи славы у безумных, но признавай достаточным для себя иметь славу у людей разумных. Но для чего я вывожу тебя на малое и ничтожное зрелище, составленное из людей? Воззри тотчас к Богу, и Он тебя восхвалит. А тому, кто от Него прославляется, не должно искать чести от людей. Честь людская нередко находится в зависимости и от приязни людей, и от вражды, и во всяком случае не приносит никакой пользы. Напротив, суд Божий чужд такого нестроения и приносит прославленному от Бога великую пользу. Итак, к этой-то славе и будем стремиться.

5. Хочешь ли узнать, какое великое зло – гнев? Стань на площади, когда там ссорятся другие. В себе самом тебе нельзя так видеть это безобразие, потому что разум во гневе помрачается и сознание теряется, как у пьяных. Но когда ты очистишься от этой страсти, тогда наблюдай в других себя самого, так как в это время у тебя рассудок не поврежден. Итак, смотри вот на окружающую толпу, а среди ее – на бесчинствующих в раздражении людей, подобно беснующимся. Когда ярость, возгоревшись в груди, восстанет и ожесточится, тогда огнем дышат уста, огонь выпускают глаза, все лицо вздувается, руки беспорядочно протягиваются, смешно прыгают ноги и насккивают на удерживающих. Ничем не отличаются раздраженные от сумасшедших, все делая без сознания, и даже не отличаются от диких ослов, когда те бьют и кусают друг друга. Поистине, безобразен человек раздраженный. Потом, когда после этого столь смешного зрелища они возвратятся домой и придут в себя самих, то возымеют еще большую скорбь и страх, представляя себе, кто присутствовал при их ссоре. Как безумные, прежде не видя присутствующих, потом, когда приходят в сознание, рассуждают, друзья ли были зрителями их или враги и неприятели. Равно боятся они тех и других: первых – потому, что они будут укорять их и увеличат стыд, а вторых-потому, что они будут радоваться о их посрамлении. А если им случилось еще нанести друг другу раны, тогда тягчайший бывает страх, чтобы не случилось чего-нибудь еще хуже с раненым, чтобы, например, болезнь от ран не принесла ему смерти или чтобы поднявшаяся неисцелимая опухоль не подвергла его жизнь опасности. «И что мне была за надобность ссориться? Что за брань и ссоры? Пропадай они совсем». И вот они проклинают

все те случайные обстоятельства, которые послужили поводом к ссоре. А глупейшие из них обвиняют в происшествии и лукавых демонов, и злой час. Но не от злого часа это происходит, потому что и не бывает никогда злого часа, и не от злого демона это происходит, а от злобы увлеченных гневом. Они-то сами и демонов привлекают, и всякое зло на себя наводят. Но сердце, скажет кто-нибудь, от оскорблений возмущается и терзается. Знаю это и я. Поэтому-то превозношу тех, которые укрощают этого ужасного зверя. Если желаем, то можем отразить от себя эту страсть. Почему мы не подвергаемся этой страсти, когда укоряют нас начальствующие? Не потому ли, что в нас (при этом случае) возникает страх, равносильный этой страсти, который поражает нас и не допускает даже зародиться в нас гневу? Почему и рабы, получая от нас тысячи укоризн, все это переносят в молчании? Не потому ли, что и на них наложены те же узы? Так и ты помысли о страхе Божиим, о том, что Сам Бог тогда уничижает тебя, повелевая тебе молчать, и ты все будешь переносить кротко. Скажи нападающему на тебя: что я могу тебе сделать? Некто иной удерживает мою руку и язык мой. И эта мысль побудит и тебя и его к благоразумию. Иногда из-за людей мы терпим даже несносные обиды и говорим оскорбителям нашим: не ты, а такой-то оскорбил меня. К Богу ли не будем иметь даже и такого благоговения? Какое же будет для нас оправдание? Итак, скажем нашей душе: Бог нас уничижает ныне, – Бог, удерживающий наши руки; не будем же хвастаться, и да не будет для нас Бог менее людей досточтим. Вы ужасаетесь этих слов?

Но я желаю, чтобы вы страшились не слов только, но и дел. Бог повелел нам не только терпеть, когда нас заушают, но и быть готовым переносить что-нибудь и хуже того. А мы, напротив, с таким усилием сопротивляемся, что не только не бываем готовы на злострадания, но и стараемся мстить за себя, а часто даже первые поднимаем несправедливые руки; считаем себя униженными, если не воздадим тем же. Странно, что мы считаем себя победителями, тогда как терпим крайнее поражение и бываем повержены долу; получая бесчисленные удары от диавола, думаем, что мы его преодолеваем. Итак, познаем, прошу вас, этот род победы, и будем побеждать таким образом. Злострадать – значит быть увенчанным. Если мы хотим быть прославлены от Бога, будем соблюдать не обычаи мирских подвигов, а закон, данный от Бога для подвигов духовных; будем все переносить с долготерпением. Таким образом мы победим и препирающихся с нами, и все, что есть в мире этом, и обетованные блага получим, благодать и человеколюбие Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа V

Вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть (1, 3)

Изъяснение 1, 3. Как некоторые еретики изменили смысл третьего стиха первой главы Евангелия от Иоанна через изменение пунктуации. – Нелепые выводы, к которым приводит мнение, допускаемое еретиками о том, что Дух Святой сотворен. – Сын Божий равен своему Отцу. – Неистощимая плодотворность Творца. – Бог не есть существо сложное. – О том, что грешники похожи на пьяных и яростных людей. – Лучшие ходить и показываться нагим на улицах, чем покрытым и обремененным грехами.

1. Моисей, в начале бытописания Ветхого Завета, повествует нам о предметах чувственных и подробно исчисляет их. Сказав: *в начале сотвори Бог небо и землю*, он потом присовокупляет, что произошли свет, твердь⁹, естество звезд, всякого рода животные и все прочее; не будем останавливаться на каждом творении, чтобы не медлить. А евангелист Иоанн, все заключив в одном изречении, обнимает им и все видимое, и то, что выше видимого. Оставляя то, что известно его слушателям, а возводя мысль к предметам более возвышенным и обнимая все творчество – вообще, он говорит не о творениях, но о Создателе, Который и произвел все из небытия в бытие. Таким образом, Моисей касается только меньшей части создания (так как ничего не сказал нам о силах невидимых), и тем ограничился. А евангелист, поспешая взойти к Самому Творцу, справедливо все прочее минует и сказанное, равно и умолчанное Моисеем, заключает в одно краткое изречение: *вся Тем быша*. Но чтобы ты не подумал, что он говорит только о том, что сказано и Моисеем, присовокупляет: *и без Него ничтоже бысть, еже бысть*, то есть ничто сотворенное, видимое или умом созерцаемое, не получило бытия иначе, как силою Сына. После слова: *ничтоже* мы не будем ставить точки, как делают еретики. Они, желая доказать, что Дух Святой есть тварь, читают так: *еже бысть, в Тем живот бе* (ст. 3–4). Но в таком чтении нет смысла. И во-первых, здесь некстати было упоминать о Духе; а если евангелист и хотел упомянуть, то для чего употребил такое неясное выражение о Нем? Да и откуда видно, что это сказано о Духе? А иначе мы, на основании такого изложения слов, можем заключить, что не Дух, а Сын произошел чрез Себя Самого. Но остановитесь на этом изречении, чтобы оно не миновало вас. Станем читать так, как они; таким образом нелепость для нас будет еще очевиднее: *еже бысть, в Тем живот бе*. Они говорят, что здесь животом назван Дух. Но, как видно, этот самый *живот* есть вместе и *свет*, потому что евангелист присовокупляет: *и живот бе свет человеком* (ст. 4). Итак, по их мнению, и *свет человеком* у евангелиста означает Духа. Что же? Когда евангелист продолжает: *бысть человек послан от Бога... да свидетельствует о Свете* (ст. 6, 7), – они уже необходимо должны допустить, что и здесь говорится о Духе. Кто выше назван Словом, Тот после именуется и Богом, животом и светом. Живот, говорит евангелист, было Слово и этот же самый *живот* был светом. Итак, если Слово было *живот* и Слово же *плоть бысть*, то и живот *плоть бысть*, – и мы видели славу Его, славу, как Единородного от Отца. Следовательно, как скоро они говорят, что здесь *животом* назван Дух, смотри, какие выходят отсюда нелепости: выходит, что не Сын воплотился, а Дух, и что Дух есть Единородный Сын. А если не так, то, избегая этой нелепости, они при своем чтении могут впасть в нелепость еще большую. Если они согласятся, что здесь сказано о Сыне, между тем не поставят наших знаков препинания и не станут читать так, как мы, то должны

⁹ В подлиннике у святителя Иоанна Златоуста: *δεύτερος οὐρανός* – второе небо.

будут говорить, что Сын произошел Сам от Себя, – потому что если Слово есть *живот*, а *еже бысть*, в *Том живот бе*, то, вследствие их чтения, Слово произошло от Себя и чрез Себя. Далее евангелист между прочим прибавляет: *и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца* (ст. 14). Вот, по их чтению, и Дух Святой становится Единородным Сыном, потому что все это повествование относится к одному и тому же Лицу Видите ли, как извращается мысль, когда уклоняется от истины, и сколько происходит отсюда нелепостей? Итак, что же? Разве Дух не есть свет, скажешь ты? Конечно – свет; но здесь сказано не о Нем. Так Бог называется духом, то есть бестелесным; но ведь не везде же, где говорится о духе, разумеется Бог. И что удивляешься, если мы это говорим об Отце? Мы и об Утешителе не станем утверждать, что, где только говорится о духе, там непременно разумеется Утешитель. Хотя это и есть наиболее отличительное Его имя, но не везде, где встречается слово *дух*, надобно разуметь Утешителя. Также и Христос называется *Божия сила* и *Божия премудрость*; но не везде, где говорится о силе и премудрости Божией, разумеется Христос. Так и здесь: хотя и Дух просвещает, но теперь евангелист говорит не о Духе. Впрочем, когда мы и доводим их до таких нелепостей, они, снова усиливаясь противостоять истине и все еще держась своего чтения: *еже бысть*, в *Том живот бе*, объясняют это так, что все сотворенное было – жизнь. Что же? И казнь содомлян, и потоп, и геенна, и тому подобное, все это – жизнь? Но мы, говорят они, разумеем создание. Но и то, что нами теперь указано, конечно относится к созданию. Однако ж, чтобы вполне изобличить их, спросим их: скажи мне, дерево – жизнь? камень – жизнь? эти бездушные и неподвижные предметы – жизнь? да и человек – жизнь совершенная? Кто это скажет? Человек – не самобытная жизнь, а только существо, причастное жизни.

2. Но посмотри и здесь, какие опять нелепости. Станем выводить заключения тем же порядком, чтобы дознать все бессмыслие. Таким образом они приписывают Духу то, что никогда нисколько Ему не приличествует. А начав с этого, они уже людям приписывают то, что, по их мнению, действительно сказано о Духе. Рассмотрим еще это чтение. Тварь тут называется жизнью; следовательно, она есть и свет, и о ней-то свидетельствовать приходил Иоанн. Отчего же и сам он – не свет? Сказано: *не бе той свет*. Но ведь он принадлежит к числу тварей? Почему же он – не свет? Каким образом в *мире бе*, и *мир Тем бысть*? Тварь ли была в твари и тварь произошла чрез тварь? Как же *мир Его не позна*? Тварь не познала твари? *Елицы же прияша Его, даде им область чадом Божиим быти* (ст. 12). Но довольно уже смеха; я предоставляю вам самим проследовать все эти чудовищные мысли, чтобы не подумали, будто я говорил это просто для забавы, и чтобы не тратить попусту времени. Если те слова сказаны не о Духе (как и действительно не сказаны и как я уже показал), не сказаны и о твари, а несмотря на то, они все еще держатся своего чтения, то наконец отсюда должно выйти еще нелепейшее следствие, – что, как мы уже прежде сказали, Сын произошел Сам чрез Себя. Если *Свет истинный* есть Сын, а свет этот есть и *живот*, и живот был в Нем Самом, то, по их чтению, такое заключение необходимо. Итак, оставим его и обратимся к надлежащему чтению и изъяснению. Какое же правильное чтение? Словами: *еже бысть* надобно закончить предыдущую мысль, а затем начать следующие слова: в *Том живот бе*. Слова эти значат то же, что и предыдущие: *без Него ничтоже бысть, еже бысть*. Из всего, говорит, что только существует, ничто не произошло без Него.

Видишь ли, как этим кратким прибавлением евангелист устраняет все могущие представиться несообразности? Сказав: *без Него ничтоже бысть* и присовокупив: *еже бысть*, он таким образом обнял все твари, даже и умопостигаемые, и исключил из них Святого Духа. Такое прибавление и нужно было, чтобы на его слова: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* кто-либо не сказал: «если все произошло чрез Него, то чрез Него же произошел и Дух». Я, говорит он, сказал, что все, что ни сотворено, чрез Него произошло, невидимое ли то, или бестелесное, или небесное. Поэтому-то не просто я сказал: *все*, а – *все, еже бысть*, то есть все сотворенное. Но Дух не сотворен. Видишь ли, как точно учение? Евангелист только упо-

мянул о сотворении видимых тварей, так как об этом уже прежде учил Моисей; евангелист уже наставленных в этом предмете людей возводит к высшим созданиям, то есть бестелесным и невидимым, и вовсе исключает из числа их Святого Духа. Подобным образом говорил и Павел, вдохновенный благодатию: *яко Тем создана быша всяческая* (Кол. 1, 16). Вот и здесь опять такая же точность, потому что тот же Дух управлял и душою Павла. И вот, чтобы кто не исключил чего-либо сотворенного из создания Божия, – так как есть твари невидимые, – а с другой стороны, чтобы не включил кто в их число Утешителя, Павел, минуя твари чувственные и всем известные, исчисляет создания небесные и говорит: *иже Престоли, иже Господствия, иже Начала, иже Власти* (Кол. 1, 16). Частица *иже*, поставленная пред каждым словом, выражает не другое что, как и те слова: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть*. А если тебе кажется, что выражение: *Тем*¹⁰ как бы уменьшает Его достоинство, то послушай, что говорит Павел: *в начале Ты, Господи, землю основал еси, и дела руку Твоею суть небеса* (Евр. 1, 10). Таким образом, что сказано у Пророка (см.: Пс. 101, 26) об Отце, как Создателе, то Павел говорит о Сыне, изображая Его не иначе, как Творца, а не так, как бы Он имел значение существа только служебного. А если здесь сказано: *Тем* (через Него), то это так выражено для того только, чтобы кто-нибудь не стал почитать Сына нерожденным. Но что в отношении к созданию Ему принадлежит достоинство, нисколько не меньшее Отца, об этом послушай Его Самого: *якоже Отец*, говорит Он, *воскрешает мертвых и живет, тако и Сын, ихже хочет, живет* (Ин. 5, 21). Итак, если и в Ветхом Завете сказано о Сыне: *в начале Ты, Господи, землю основал еси*, то Его достоинство, как Создателя, очевидно. Если же ты скажешь, что Пророк говорил эти слова собственно об Отце, а Павел только приписал Сыну сказанное об Отце, то и таким образом выходит то же самое. Да Павел и не решился бы приписать этого Сыну, если бы не был совершенно уверен в равночестности (Отца и Сына). Было бы крайне дерзновенно принадежающее естеству, ни с чем не сравнимому, относить к естеству меньшему и подчиненному.

3. Но Сын не меньше и не ниже Отца по существу. Поэтому Павел дерзнул сказать о Нем не только вышеуказанные слова, но еще и нечто другое. Выражение: *из Него*, которое ты признаешь исключительно достойным одного Отца, Павел употребляет и о Сыне, говоря так: *из Негоже все тело, составы и союзы подаемо и снемлемо, растит возвращение Божие* (см.: Кол. 2, 19). Но не довольствуется он и этим; а и с другой стороны заключает вам уста, прилагая выражение: *Имже*¹¹ к Отцу, – выражение, которое, по твоим словам, означает меньшее достоинство: *верен Бог*, говорит он, *Имже звани бысте во общение Сына Его* (1 Кор. 1, 9). Также: *волею Его*. И еще: *яко из Того, и Тем, и в Нем всяческая* (Рим. 11, 36). Но не только о Сыне говорится: *из Того*, но и о Духе. Так Ангел сказал Иосифу: *не убойся прияти Мариам жены твоея: бо рождающееся в Ней от Духа есть Свята* (Мф. 1, 20). Равным образом и выражение: *о Нем*, относящееся к Духу, Пророк не отказывается приложить и к Богу (Отцу), говоря так: *о Боже сотворим силу* (Пс. 59, 14). И Павел говорил: *моляся, иже убо когда поспешен буду волею Божию прийти к вам* (Рим. 1, 10); и ко Христу относит то же выражение: *о Христе Иисусе*. Таких выражений, безразлично употребляемых, мы можем много и часто находить в Писании, чего не могло бы быть, если бы повсюду не предполагалось одно и то же существо. Не думай также, что в словах: *вся Тем быша* говорится здесь о чудесах: о них повествовали прочие евангелисты. А Иоанн после этих слов присовокупляет: *в мире бе, и мир Тем бысть* (ст. 10), – мир, а не Дух, потому что Он не есть творение, а выше всякой твари. Но поспешим далее. Сказав о создании: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть*, Иоанн прилагает к тому и учение о Промысле в следующих словах: *в Том живот бе*. А присовокупил эти слова: *в Том живот бе* – для того, чтобы никто не сомневался, каким образом все чрез Него произошло. Как в бездонном источнике, сколько ни черпай воды, не уменьшишь источ-

¹⁰ В греческом тексте Евангелия сказано: *δι' οὗτου* – чрез Него.

¹¹ В греческом тексте: *δι' οἱ*.

ника, так и творческая сила Единородного, сколько бы ни было создано или произведено ею, нисколько от того не уменьшается. Или, лучше, я употреблю более свойственное этой силе сравнение, именно назову ее светом, как и сам евангелист говорит далее: *и живот бе свет человеком*. Как свет, хотя бы освещал неисчислимое множество предметов, нисколько оттого не уменьшается в своей светлости, так в Боге, и прежде и после сотворения сила нисколько не оскудевает, нисколько не умалывается и не ослабевает от многочисленности творения; но, хотя бы надлежало произойти еще тысяче таких миров, хотя бы и бесконечному множеству их, Его сила довлеет на всех, чтобы не только произвести их, но и сохранить после создания. Наименование *жизни*, употребленное здесь, относится не только к созданию, но и к промыслу о сохранении созданного. Кроме того, говоря о жизни, евангелист полагает основание учению о воскресении и предначинает то дивное благовестие, что, с пришествием к нам жизни, разрушена держава смерти, что по озарении нас светом уже нет тьмы, а всегда пребывает в нас жизнь, и смерть уже не может преодолевать ее. Итак, вполне можно сказать и о Сыне то, что сказано об Отце: *о Нем живем и движемся и есмы* (см.: Деян. 17, 28). Это и Павел выражает в следующих словах: *яко Тем создана быша всяческая... и всяческая в Нем состоятся* (Кол. 1, 16, 17). Поэтому Сын называется и корнем, и основанием.

Но, когда слышишь, что в *Том живот бе*, не представляй Его себе сложным, потому что впоследствии Он говорит и об Отце: *якоже Отец имать живот в Себе, тако даде и Сынови живот имети* (Ин. 5, 26). Ты не скажешь по этому поводу об Отце, что Он сложен; не говори же и о Сыне. В другом месте сказано, что *Бог Свет есть* (1 Ин. 1, 5), также – что *Он живет во свете неприступнем* (1 Тим. 6, 16). Но все это говорится не для того, чтобы дать нам понятие о сложности, а чтобы мало-помалу возвести нас на высоту догматов. В самом деле, так как для народа нелегко было понять, каким образом Он имеет жизнь Сам в Себе, то он и говорил сначала о том, что не так высоко, а потом, научив их, уже возводит к более возвышенным истинам. Тот, Кто сказал, что Ему (Отец) *даде живот имети*, Сам потом говорит: *Аз есмь Жизнь*, и еще: *Аз есмь Свет*. А какой это свет? Свет не чувственный, а духовный, просвещающий душу. Так как Христос говорил: *никтоже может прийти ко Мне, аще не Отец привлечет его* (см.: Ин. 6, 44), то евангелист, предваряя эти слова, и сказал, что Он есть Тот, Который просвещает, чтобы ты, услыша что-либо подобное об Отце, не приписал того только одному Отцу, но и Сыну, – ибо *вся*, говорит Он, *елика имать Отец Мой, Моя суть* (см.: 16, 15). Итак, евангелист сперва поучает нас о создании, потом говорит и о духовных благах, дарованных нам с пришествием Спасителя, и означает их одним словом: *Живот бе Свет человеком*. Не сказал: *бе Свет* иудеям, но – всем людям, потому что не иудеи только, а и язычники получили познание о Нем, и свет этот прилагается в общение всем. Но почему евангелист не присоединил сюда и Ангелов, а сказал только о людях?

Потому, что у евангелиста теперь слово о роде человеческом, и потому, что Спаситель к нему пришел благовествовать благая. *И свет во тме светится* (ст. 5). Тьмою здесь называет и смерть, и заблуждение. Свет чувственный сияет не во тме, а когда нет тьмы; но проповедь евангельская светила среди мрака заблуждения, все облежавшего, и рассеивала его. Свет этот проник и в самую смерть и победил ее, так что уже одержимых смертию избавил от нее. Итак, поелику ни смерть, ни заблуждение не преодолели этого света, но он всюду блистает и светит собственной силою, то евангелист и говорит: *и тма его не обьят* (ст. 5). Да он и неодолим, и не любит обитать в душах, не желающих просвещения.

4. Но, если он не всех объемлет, ты не должен этим смущаться. Бог приближается к нам не с принуждением, не против нашей воли, но по нашему желанию и благорасположению. Не заключай дверей для этого света – и получишь много наслаждения. А приходит к нам этот свет посредством веры и, пришедши, в обилии просвещает того, кто приемлет его. И если ты представишь ему чистую жизнь, он постоянно будет обитать в тебе. *Любяй Мя, заповеди Моя соблюдет*, говорит Спаситель, *и приидем к нему* (Я и Отец Мой) *и обитель у него сотворим*

(см.: Ин. 14, 23). Как никто не может пользоваться светом солнечным, не открывая глаз, так никто не может участвовать в этом просвещении, не отверзая вполне очей души и не изошрив их во всех отношениях. А как это можно сделать? Очищая душу от всякой страсти. Грех есть тьма, и тьма глубокая; и это видно из того, что он совершается безрассудно и тайно. *Всяк бо, делаяй злая, ненавидит света и не приходит к свету* (Ин. 3, 20). А *бывавшая отай срамно есть и глаголати* (см.: Еф. 5, 12). Как во тьме мы не распознаем ни друга, ни врага и вовсе не узнаем свойства вещей, так и – в грехе. Человек любостязательный не отличает друга от врага; завистник и на человека, самого благорасположенного к нему, смотрит, как на врага; наветник одинаково вооружен против всех, – словом, всяк, делающий грех, ничем не отличается от людей упивающихся и беснующихся, в том отношении, что не распознает свойства предметов. И как ночью на наши глаза – все равно: дерево ли, или свинец, железо, серебро, или золото, или драгоценный камень, потому что для различения этих предметов недостает света, так человек, ведущий нечистую жизнь, не постигает ни доблести целомудрия, ни красоты любомудрия. Ведь во тьме, как я сказал, и драгоценные камни не обнаруживают своей красоты, не сами по себе, но по незнанию тех, кто смотрит. Но не эта одна беда постигает нас, когда мы живем во грехах; мы живем тогда еще и в постоянном страхе. Как находящиеся в пути в безлунную ночь чувствуют страх, хотя бы и ничего страшного не было, так и грешники не могут иметь дерзновения, хотя бы и никто не обличал их; но, чувствуя угрызения совести, они всего боятся, все подозревают, все на них наводит страх и ужас, на все озираются с боязнию, всего трепещут. Будем же убегать такой мучительной жизни. А за такую мукою еще последует смерть, смерть бессмертная; тогда не будет и конца наказанию. Здесь же ничем не отличаются от умопомешанных те, которые, как бы во сне, представляют себе вещи небывалые. Так воображают себя богатыми, не будучи богатыми; думают роскошествовать, не имея никакого удовольствия; и не прежде они узнают, как должно, такое заблуждение, пока не освободятся от умопомешательства или пока не отрясут с себя сна. Поэтому-то Павел заповедует всем трезвиться и бодрствовать; то же повелевает и Христос. Кто трезвится и бодрствует, тот, хотя бы увлекся грехом, немедленно отражает его; а кто спит или безумствует, тот и не чувствует, какую власть имеет над ним грех. Не будем же спать. Теперь не ночь, а день; потому *яко во дни, благообразно да ходим* (Рим. 13, 13). Ничего нет постыднее греха. В этом отношении не так худо в наготe ходить, как во грехах и преступлениях. Нагота еще не такое преступление, – нередко она происходит и от нищеты; но ничего нет постыднее и презреннее греха. Представим себе тех, которых ведут в судилище за кражу и подлог: какой срам и смех покрывает их, как людей бесстыдных, лживых и наглых! Нам неприятно и тяжело терпеть, чтобы верхняя одежда была надета на нас небрежно или наизуоборот; даже когда и на других увидим это, то исправляем; а когда все мы и ближние наши ходим на головах, то не замечаем этого. Скажи мне, что может быть постыднее, как мужчине входить к распутной женщине? Кто заслуживает более осмеяния, чем человек сварливый, склонный к злословию и завистливый? Отчего же все это кажется не так стыдно, как ходить в наготe? Только от привычки. Этого никто никогда не позволял себе по доброй воле; а на грехи осмеливаются всегда все, без всякого страха. Конечно, если бы кто вошел в сонм Ангелов, в котором никогда ничего такого не бывало, то увидел бы, как это достойно посмеяния. Но что я говорю о сонме Ангелов? Если бы кто в царских чертогах, введши блудницу, воспользовался ею, или упился вином, или дозволил себе другой какой-либо бесчестный поступок, такой подвергся бы самому строгому наказанию. Если же в царских чертогах не терпимы подобные дерзости, тем более мы должны подвергнуться крайнему наказанию, если осмеливаемся на такие дела в присутствии Царя Вездесущего и Всевидящего. Поэтому, умоляю, покажем в образе жизни нашей скромность и чистоту. Мы имеем Царя, Который непрестанно зрит все дела наши. А чтобы нас озарял всегда в обилии высший свет, будем привлекать к себе его луч. Тогда мы будем наслаждаться и настоящими и будущими благами, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

Беседа VI

Бысть человек послан от Бога, имя ему Иоанн (1, 6)

Изъяснение 1, 6. Посланичество Иоанна Крестителя. – Объяснение изречения: «бысть человек послан от Бога». – Зачем и каким образом Христос принимает свидетельство Иоанна. – Учение без добрых дел не приносит пользы.

Евангелист, вначале сказав нам о Боге Слове то, что было особенно нужно, далее последовательно и по порядку переходит к соименному с ним проповеднику Слова, Иоанну. А ты, слыша, что он послан был от Бога, не принимай его слов за человеческие. Все он вешал не от себя, но от Пославшего его. Поэтому называется он и Ангелом (вестником), так как дело вестника – ничего не говорить от себя. Слово: бысть означает здесь не происхождение его, а именно его послание. Бысть послан от Бога, то есть его Бог послал. Как же говорят, что слова: во образе Божии сый (Флп. 2, 6) не выражают равенства Сына со Отцом, потому что (к слову: Бог) не приложишь член (о)? Вот и здесь¹² совсем нет члена. Между тем разве здесь речь не об Отце? А что сказать о словах Пророка: се, Аз послу Ангела Моего пред лицом Моим, иже уготовит путь Твой (см.: Мал. 3, 1; Мф. 11, 10)? Слова: мой и твой указывают на два лица. Сей прииде во свидетельство, да свидетельствует о Свете (Ин. 1, 7). Что же, скажет кто-нибудь, раб свидетельствует о Господе? Но не будешь ли ты еще более изумляться и недоумевать, когда увидишь, что Господь не только получает свидетельство от раба, но и приходит к нему и вместе с иудеями принимает крещение от него? Однако ж не смущаться и колебаться мыслию, а изумляться должно Его неизглаголанной благости. Если же кто остается в недоумении и смущении, то Господь и ему скажет то же, что сказал Иоанну: остави ныне: тако бо подобает нам исполнити всяку правду (Мф. 3, 15). А кто и после этого стал бы смущаться, тому Он скажет то же, что сказал иудеям: не от человека свидетельства приемлю (Ин. 5, 34). Но если Он не имеет нужды в таком свидетельстве, для чего же послан был от Бога Иоанн? Не для того, что Он имел нужду в его свидетельстве (говорить это было бы крайним богохульством). А для чего? Это изъясняет нам евангелист, когда говорит: да еси веру имут ему¹³ (1, 7). Аесли Сам Христос говорит: не от человека свидетельства приемлю, то да не подумают несмысленные, что Он Сам Себе противоречит, говоря здесь так, а в другом месте – так: ин есть свидетельствуя о Мне, и вем, яко истинно есть свидетельство его (см.: 5, 32). В последнем случае Он разумел Иоанна, а сказав: не от человека свидетельства приемлю, Он тотчас присовокупляет и объяснение Своим словам, именно: сия глаголю, да вы спасени будете (5, 34). Как бы так Он говорил: «Я Бог и истинный Сын Божий, единого (со Отцом) бессмертного и блаженного существа, и потому не имею нужды ни в каком свидетеле. Хотя бы и никто не хотел свидетельствовать о Мне, Я оттого в Своем естестве нисколько не унижаюсь. А так как спасение людей есть предмет Моего попечения, то Я снизошел до такого самоуничижения, что и человеку предоставляю свидетельствовать о Мне». А от этого, по немощи иудеев, тем легче и доступнее для них могла быть вера в Него. Потому Он как облекся плотию, чтобы, явившись людям в Своем Божестве без покрова, не погубить всех их, так и проповедником о Себе послал человека, чтобы слушатели того времени, слыша сродный себе голос, тем легче последовали Ему. А что Сын Божий

¹² В словах: бысть человек послан от Бога.

¹³ В подлиннике у святителя Иоанна Златоуста: *ὅτι πάντες πιστεύουσιν δι' αὐτοῦ*, то есть: да вси уверуют чрез него (Иоанна).

не имел никакой нужды в свидетельстве Иоанна, для доказательства довольно было бы Ему только явить Себя таким, каков Он есть по Своему существу, и поразить всех ужасом. Но Он этого не сделал, потому что, как я уже сказал, Он всех таким образом уничтожил бы, так как никто не был бы в состоянии вынести приражения этого неприступного света. Поэтому-то, говорю, Он и плотию облекается, и свидетельство о Себе поручает одному из сорабов наших, все устрояя ко спасению людей и имея в виду не Свое только достоинство, но и благоприемлемость и пользу Своих слушателей. Это Он выразил и Сам, когда сказал: сия глаголю, да вы спасени будете. И евангелист, повторяя изречение Господа, после слов: да свидетельствует о Свете, присовокупляет: да еси веру имут ему. Как бы так он говорил: не думай, что Иоанн Креститель пришел свидетельствовать для того, чтобы придать достоверность учению Господа, нет; а для того, чтобы единоплеменники его уверовали чрез него. Что евангелист именно спешил предотвратить такую мысль, это видно из последующих слов, которые он присовокупляет: не бе той свет (ст. 8). А если бы он прибавил это не для устранения такой мысли, тогда это было бы только излишним распространением слов и скорее было бы тождество, чем изъяснение учения. В самом деле, сказав, что Иоанн послан был, да свидетельствует о Свете, для чего еще он говорит: не бе той свет? Не без цели и не напрасно. У нас обыкновенно свидетельствующий бывает больше того, о ком свидетельствует, и нередко признается более достойным доверия. Поэтому-то, чтобы кто не подумал того же и об Иоанне, евангелист тотчас, с самого же начала, уничтожает эту мысль и, исторгая ее с корнем, показывает, кто этот свидетельствующий, и Кто Тот, о Ком он свидетельствует, и какое различие находится между тем и другим. Сделав это и показав несравнимое превосходство последнего пред первым, евангелист уже без опасения переходит к последующему сказанию; и если что нелепого было в мыслях людей неразумных, все то тщательно устранив, он уже без всякого затруднения и беспрепятственно приступает к продолжению слова. Итак, будем молиться, чтобы, при откровении таких высоких истин, при учении правом, и жизнь наша была чиста и поведение безукоризненно, так как не приносит нам пользы учение, когда у нас нет добрых дел. Если бы мы имели и всецелую веру, и разумение Писаний, но если мы не будем иметь доброго направления в жизни, то ничто не спасет нас от гееннского огня и пламени, неугасимого в вечности. Как люди, делающие добрые дела, воскреснут в жизнь вечную, так люди, дерзающие надела злые, воскреснут для наказания вечного и бесконечного. Поэтому все попечение приложим к тому, чтобы в худых делах не погубить плодов правой веры, но по доброй жизни с дерзновением созерцать Христа, – а выше этого блаженства ничего не может быть, – чего и да сможем достигнуть, делая все во славу Бога, Которому слава, с Единородным Сыном и Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Беседа VII

Бе Свет истинный, Иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир (1, 9)

Изъяснение 1, 9. Не следует стараться постигнуть то, что непостижимо в Боге. – Истинное учение об Отце и Сыне. – Неразумие савелиан и маркеллиан. – Как омываются грехи.

1. Мы питаем вас, чада возлюбленные, учением Писаний только по частям, и не все вдруг излагаем, для того чтобы вы легче могли сохранить предлагаемое вам. Кто при построении дома, прежде чем скреплены первые камни, кладет на них другие, тот возводит стену некрепкую и удоборазрушимую. А кто выжидает, пока одни камни скреплятся известью, и потом уже мало-помалу прибавляет к ним другие, тот строит здание прочное, немаловременное, неразрушимое, крепкое. Таким строителям будем подражать и мы и подобным образом станем созидать ваши души. Я опасаясь, чтобы, пока первые основания еще не утверждены, приложение дальнейшего учения не повредило и начаткам, так как разум еще не довольно силен, чтобы удержать все. Что же сегодня прочитано нам? *Бе Свет истинный, Иже просвещает всякого человека, грядущаго в мир.* Евангелист, говоря выше об Иоанне, заметил, что он пришел, да свидетельствует о Свете, и что именно в то время он для этого был послан. А чтобы, слыша это, кто-нибудь, по поводу недавнего явления свидетеля, не возымел подобного подозрения и касательно самого свидетельствуемого лица, евангелист возводит мысль выше и устремляет ее к бытию безначальному, никогда нескончаемому и непрестающему. Но как может, скажешь ты, иметь такое бытие Тот, Кто есть *Сын*? Мы говорим о Боге, а ты спрашиваешь, как это возможно? И ты не страшишься и не ужасаешься? Если бы кто спросил тебя, каким образом наши души, а потом и тела будут жить вечно, ты, конечно, посмеялся бы над таким вопросом, потому что не уму человеческому изведывать такие предметы, а его долг только верить, да и не испытывать того, что сказано, так как достаточным доказательством сказанного служит для него могущество Того, Кто изрек это. И ты спрашиваешь у нас, как это возможно, когда мы говорим, что безначален Тот, Кто создал души и тела, и бесконечно превосходит всякое создание? Кто в полном рассудке и в здравом уме станет говорить это? Ты слышал, что *бе Свет истинный*. Зачем же понапрасну усиливаешься обнять своим умом эту жизнь бесконечную? Это невозможно. Для чего исследуешь неисследимое? Для чего испытываешь непостижимое? Для чего изведываешь неведомое? Рассмотрим самый источник солнечных лучей. Ты не можешь этого сделать, однако ж ты в этом случае не досадуешь и не скорбишь о своем бессилии. Отчего же ты так смел и опрометчив в предметах гораздо важнейших? Сын громов, Иоанн, возглашающий чрез духовную трубу, услышав от Духа, что *бе Свет*, ничего больше и не испытывал. А ты, не имея его благодати, рассуждая только по своим слабым умозаключениям, – ты усиливаешься переступить даже за черту его ведения? За это ты не сможешь достигнуть и меры его ведения. Таково-то коварство диавола: доверившихся ему он выводит за пределы, положенные для нас Богом, как будто бы мы могли иметь гораздо более (знания). А обольстив нас такими надеждами и лишив благодати Божией, он не только ничего более не сообщает нам (да и как он, диавол, может это?), но и не допускает возвратиться в прежние пределы, в которых мы были безопасны, а всюду заставляет нас блуждать и нигде не дает остановиться. Таким образом он и первозданного человека довел до изгнания из рая. Наделив его надеждою большего ведения и почести, диавол лишил его и того, чем он прежде спокойно пользовался. Человек не только не соделался равным Богу, как обещал ему диавол, но и подпал под иго смерти; не только чрез

вкушение от древа не получил ничего более, но в надежде большего ведения утратил немало и прежнего знания. Он стал стыдиться своей наготы и скрывать ее, тогда как до оболыщения он был выше подобного стыда. Даже то, что он стал видеть свою наготу и почувствовал нужду в прикрытии себя одеждою, – эти и другие, еще большие скорби были следствиями оболыщения. Чтобы не потерпеть и нам того же, будем повиноваться Богу и пребывать в Его заповедях, ничего более не испытывая; иначе мы лишимся уже и дарованных нам благ, как наказаны и эти (еретики). Они, как скоро стали изыскивать начало жизни безначальной, лишились и того, что могли иметь. Не нашли они и того, чего искали; да это и невозможно. А между тем от правой веры в Единородного они отпали. Но мы не будем преступать пределов вечных, которые положили Отцы наши, а во всем будем следовать законам Духа и, слыша, что *бе Свет истинный*, ничего больше не будем исследовать; да и невозможно никому простираться далее этого изречения. Если бы Бог рождал подобно человеку, то необходимо было бы какое-либо разделение между рождающим и рождаемым. Но как это рождение неизреченное и только Богу свойственное, то оставь обыкновенные понятия: *прежде* и *после*. Это – выражение времени, а Сын есть Творец и всех веков.

2. Следовательно, говорят иные, Бог не Отец (Сыну), а брат. Но, скажи мне, какая нужда (в подобном заключении)? Если бы мы говорили, что Отец и Сын имеют бытие разделенное в своем начале, то, может быть, ты имел бы право говорить так. Но мы избегаем такого нечестия и говорим, что Отец и безначален, и нерожден, а Сын безначален, но рожден от Отца. Какая же надобность из такого учения выводить такое нечестивое заключение? Никакой нет надобности. Сын есть отблеск¹⁴. А отблеск представляется нераздельно с тем естеством, которого есть отблеск. Поэтому-то и Павел так назвал (Сына) (см.: Евр. 1, 3), чтобы мы не предполагали никакого разделения между Отцом и Сыном. Вот что выражается этим наименованием. Таким подобием Апостол исправляет нелепые мысли, приходящие в голову людям бессмысленным. Слыша об отблеске, говорит Апостол, не думай, что Сын не имеет собственной ипостаси. Мысль такая нечестива и свойственна безумию савелиан и маркеллиан¹⁵. Мы учим не так; а говорим, что Он имеет Свою собственную Ипостась. Поэтому, назвав Его отблеском, Апостол присовокупляет, что Он есть и *образ Ипостаси Его* (Отца) (Евр. 1, 3), чтобы тем выразить и собственную Его Ипостась, и единосущие с Тем, Которого есть образ. Нет, как я уже говорил, одного какого-либо достаточного выражения, чтобы передать людям все это учение о Боге. Желательно, по крайней мере, совокупив несколько выражений, из каждого извлечь то, что приличествует. Таким образом мы можем воздать достойное славословие Богу, – достойное, говорю, то есть по нашим силам. А если бы кто думал, что может говорить достойно о самом существе Божеском и усиливался доказать, что знает Бога, как Бог знает Самого Себя, тот-то именно и не имел бы никакого познания о Боге. Зная это, будем твердо держаться того, что предали нам *уже исперва самовидцы и слуги бывшии Словесе*, и больше ничего не будем испытывать. Две опасности угрожают страждущим этою болезнию: одна та, что они напрасно трудятся, отыскивая то, чего нельзя найти; другая – что прогневляют Бога, усиливаясь преступить пределы, Им положенные. А какой это возбуждает гнев в Боге, нет нужды говорить вам, потому что вам всем это известно. Итак, удаляясь от сумасбродства еретиков, будем с трепетом внимать Его словам, чтобы Он всегда охранял нас. *На кого воззрю*, говорит Он, *только на кроткого и смиренного, молчаливого и трепещущего словес Моих* (Ис. 66, 2). Итак, оставив это гибельное любопытство, станем лучше сокрушаться сердцем, будем оплакивать грехи свои, как заповедал нам Христос. Станем скорбеть о своих преступлениях, возобновим тщательно в памяти все, на что мы отваживались в прошедшее время, и все то постараемся совершенно загладить. К этому Бог открыл нам много путей. *Глаголи ты*, говорит Он, *беззакония твоя*

¹⁴ В греческом тексте: *ἀπαύρασμα*.

¹⁵ Еретики. – Ред.

прежде, да оправдишися (Ис. 43, 26). И в другом месте: *рех: исповем на мя беззаконие мое, и Ты оставил еси нечестие сердца моего* (см.: Пс. 31, 5). Так, частое воспоминание грехов и обвинение себя в них немало способствует к уменьшению великости их. Есть и другой путь, еще более верный, когда мы не помним зла ни на ком, кто согрешил против нас, когда прощаем всякому сделанные против нас проступки. Хочешь ли знать еще третий путь? Послушай, что говорит Даниил: *сего ради грехи твоя милостынями искупи и неправды твоя щедротами убогих* (см.: Дан. 4, 24). Есть и еще, кроме этого, путь – частое упражнение в молитвах, постоянное прилежание в молениях к Богу. Приносит нам не мало утешения и оставления грехов также и пост, когда соединяется с любовью к ближним; он угашает и силу гнева Божия. *Огонь горящий угасит вода, и милостынями очищаются грехи* (см.: Сир. 3, 30). Итак, будем ходить по всем этим путям.

Если будем всегда держаться их и на них обращать свое внимание, то не только очистим прошедшие преступления, но и на будущее время весьма много приобретем для себя пользы, – не дадим диаволу возможности нападать на нас, да и сами не впадем в беспечность житейскую, в это гибельное любопытство. Диавол, между прочим, и до этого доводит, и потом до этих безрассудных изысканий и вредных словопрений, как скоро замечает, что люди предаются праздности и недеятельности, вовсе не заботясь о добродетельной жизни. Но мы заградим ему этот проход, будем бодрствовать, трезвиться, чтобы, после краткого времени небольших трудов, достигнуть в бесконечные веки бессмертных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу со Святым Духом слава во веки веков. Аминь.

Беседа VIII

Бе Свет истинный, Иже просвещает всякаго человека, грядущаго в мир (1, 9)

Изъяснение 1, 9. Почему Иисус Христос, будучи светом истины, не освящает всех людей. – Неразумие Павла Самосатского. – Ответы на вопросы язычников: что делал Иисус Христос до своего пришествия и прочее? – Нельзя надлежащим образом стремиться к небесному, привязываясь к земному. – Большое различие между служителями Иисуса Христа и служителями мамоны.

1. Ничто не препятствует нам и сегодня снова коснуться этих слов, потому что в прошедший раз изложение догматов не позволило нам проследить вполне все прочитанное. Где же те, которые говорят, что Сын не есть истинный Бог? Здесь Он называется *истинным Светом*, а в другом месте самую *Истинною* и самую *Жизнию*. Впрочем, эти последние слова мы яснее исследуем, когда дойдем до них; а теперь надобно вашей любви сказать о свете. Если он *просвещает всякаго человека, грядущаго в мир*, то отчего столько людей остаются не просвещенными? Оттого, конечно, что не все познали веру Христову. Как же он *просвещает всякаго человека*? Смотря по приемлемости каждого. Если некоторые, по своей воле смежив очи ума, не хотят принять лучей этого света, то омрачение их происходит не от естества самого света, а от злобы этих людей, добровольно лишаящих себя дара. Благодать изливается на всех; она не чужда ни иудея, ни эллина, ни варвара, ни скифа, ни свободного, ни раба, ни мужа, ни жены, ни старца, ни юноши; ко всем одинаково близка и всех равночестно призывает. Но те, которые не хотят воспользоваться этим даром, те, по справедливости, самим себе должны приписывать такое ослепление. Если тогда, как вход открыт для всех и никто не преграждает его, некоторые по произвольному ожесточению остаются вне, то они гибнут не от чего-либо другого, а от собственной порочности. *В мире бе* (ст. 10), – но не как современный миру; нет. Поэтому (евангелист) и присовокупляет: *и мир Тем бысть* (ст. 10). Чрез это он опять возводит тебя к предвечному бытию Единородного. Кто слышит, что все есть создание Его, тот хотя бы был вовсе бесчувствен, хотя бы был враг и противник славы Божией, во всяком случае волею или неволею принужден будет признать, что Творец существует прежде творений. Потому-то я всегда и дивлюсь безумию Павла Самосатского, – как он дерзал противоречить столь очевидной истине и сам себя добровольно низринул в бездну. Он заблуждался не по неведению, а очень хорошо понимая дело, подвергся одной участи с иудеями. Как иудеи, имея в виду суд людей, оставили здравую веру и, хотя знали, что Иисус есть Единородный Сын Божий, но, ради своих начальников, не исповедовали, чтобы не быть изгнанными из синагоги, так и Павел Самосатский, как говорят, из угождения какой-то женщине, отрекся от своего спасения. Подлинно, страшно, страшно преобладание тщеславия; оно может ослепить очи и мудрых людей, если они не станут бодрствовать. Если это может сделать мздоимство, тем больше – страсть тщеславия, гораздо сильнейшая. Поэтому-то и говорил Христос иудеям: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от Единого Бога, не ищите?* (Ин. 5, 44). *И мир Его не позна* (1, 10). Евангелист называет здесь миром множество людей растленных, преданных земным делам, толпу, мятежный и бессмысленный народ. Но други Божии и все дивные мужи познавали Христа еще прежде Его явления во плоти. Именно о праотце Сам Христос сказал: *Авраам отец ваш рад бы был, дабы видел день Мой: и виде и возрадовался* (Ин. 8, 56). И о Давиде в обличение иудеев Он говорил: *како убо Давид духом Господа Его нарицает, глаголя:*

рече Господь Господеви моему: седи одесную Мене (Мф. 22, 43–44). Много раз, препираясь с ними, Он упоминает и о Моисее (см.: Ин. 5, 46); а о прочих пророках – Апостол. А что все пророки, начиная от Самуила, познавали Христа и задолго предвозвещали пришествие Его, об этом говорит апостол Петр: *и еси пророцы от Самуила и иже по сих, елицы глаголаша, такожде предвозвестиша дни сия* (Деян. 3, 24). Иакову и отцу его, как и деду его, являлся Сам Бог, беседовал с ними, обещая даровать им многие и великие блага, что и исполнилось на самом деле. Какже, скажешь ты, Он Сам говорил: *мнози пророцы восхотеша видети, яже вы видите, и не видеша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (см.: Лк. 10, 24)? Как же они знали Его? Конечно знали; и я попытаюсь доказать это из тех же самых слов, из которых некоторые заключают, будто бы пророки не имели познания об Иисусе Христе. Он говорит: *мнози восхотеша видети, яже вы видите*; значит, они знали, что Он придет к людям и совершит дела, которые и действительно совершил. А если бы не знали этого, то и не восхотели бы видеть, потому что никто не может желать того, чего совсем не знает. Следовательно, они знали Сына Божия, знали и то, что Он придет к людям. Но что ж это такое, чего они не видели и не слышали? То, что ныне вы видите и слышите. Пророки, хотя слышали глас Его и Самого Его видели, однако ж – не во плоти, не в том виде, в каком Он обращался с людьми и открыто беседовал с ними. На это и Сам Он ясно указывает, – говорит не просто: они желали *Меня видеть*, – а как? Желали *видеть, что вы видите*; не сказал также: желали *Меня слышать*, но: *что вы слышите*. Таким образом, хотя они и не видели его явления во плоти, однако ж знали, что оно будет, и его желали. Они веровали во Христа, хотя и не видели Его во плоти. Если же язычники, думая укорить нас, спросят: что же делал Христос прежде, когда еще не промышлял о роде человеческом? почему Он, оставив нас на столь долгое время без попечения, уже в последнее время пришел устроить наше спасение? – мы скажем, что Он еще и прежде того времени был в мире, предустраивая дела и ведом был всем достойным. А если вы скажете, что Он был неведом, потому что не все тогда знали Его, а только люди избранные и добродетельные, то на таком основании вы, пожалуй, допустите, что Он и в настоящее время не имеет поклонения от людей, потому что и ныне еще не все знают Его. Но как в настоящее время никто не может отрицать, что есть люди, знающие Его, – потому только, что есть люди, не знающие Его, – так нельзя сомневаться в том и по отношению к прежним временам, потому что многие или, лучше сказать, все избранные и дивные мужи знали Его.

2. Но если бы кто спросил: почему тогда не все веровали в Него и не все почитали Его, а только одни праведные? – то спрошу и я: отчего и в настоящее время не все знают Его? Да что говорить о Христе? Отчего как прежде, так и ныне не все знают и Отца Его? Некоторые говорят, что все (в мире) носится самодвижно; другие попечение о всем приписывают демонам; а есть и такие, которые, кроме истинного Бога, измыслили для себя какого-то другого; из них иные богохульствуют, утверждая, будто есть какая-то противная Богу сила, и еще думают, что законы Божии принадлежат какому-то злему духу. Что же? Ужели потому, что некоторые отвергают Бога, и мы будем говорить то же или согласимся, что Он зол, так как некоторые высказывают и это богохульство? Прочь это безрассудство и это крайнее безумие! Если бы мы стали поверять догматы судом этих безумных людей, то и нас самих ничто не удержало бы от крайнего безумия. Конечно, никто не скажет, что солнце вредно для глаз, потому что есть больные глазами; напротив, оно светлосно по суду людей здоровых. Никто также не скажет, что мед горек, потому что он кажется таким на вкус больных. Итак, не по примеру ли больных некоторые утверждают, что или нет Бога, или что Он зол, что иногда Он промышляет, а иногда вовсе не делает этого? И кто скажет, что они люди здоровые? Напротив, это – люди не исступленные ли, безумные и крайне помешанные? *Мир Его не позна* (Ин. 1, 10), сказано: однако ж те, которых недостойн был мир, познали Его. Сказав же о непознавших Его, евангелист вкратце излагает и причину этого неведения; говорит не просто: никто не познал Его, но: *мир Его не позна*, то есть люди, преданные одному миру и только о мирском помышляющие. Так обык-

новенно называл их и Христос, как, например, когда говорил: *Отче праведный, и мир Тебе не позна* (Ин. 17, 25). Но мир, как мы сказали, не познал не только Сына, но и Отца, потому что ничто не приводит в такое расстройство рассудок, как привязанность к предметам временным. Зная это, удаляйтесь, сколько возможно, от мира и воздерживайтесь от дел плотских; от них происходит потеря не в случайных, а в самых высших благах. Человек, слишком занятый делами настоящей жизни, не может надлежащим образом усвоить предметов небесных; но по необходимости, заботясь о тех, лишается этих. *Не можете*, сказано, *Богу работати и мамоне* (Лк. 16, 13). Последуя одному, по необходимости надобно оставить другого. И об этом гласит самый опыт. Те, которые смеются над страстию к богатству, те-то наиболее и любят Бога как должно. Напротив, те, которые высоко ценят богатство как первое благо, слабейшую имеют любовь к Богу. Душа, будучи однажды пленена любостяжанием, уже не может легко и удобно удерживаться, чтобы не сделать или не сказать чего-либо такого, что прогневляет Бога, так как она делается уже рабою другого господина, и притом такого, который повелевает ей все противное Богу.

Итак, воспряните и пробудитесь и, размыслив о том, какого Господина мы рабы, возлюбим только Его власть; возрыдаем и оплачем прежнее время, в которое мы работали мамоне; свергнем однажды навсегда ее тяжкое, несносное иго и будем постоянно носить иго Христова, легкое и отрадное; Христос же не повелевает ничего такого, что внушает мамона. Она повелевает быть врагами всем; а Христос – напротив: миловать и любить. Она, призвав нас к праху и пыли (таково – золото), не дает нисколько, даже ночью, вздохнуть свободно; а Христос освобождает нас от этой излишней и неразумной заботы, повелевает собрать сокровища на Небесах, не неправдою в отношении к другим, а собственною правдою. Мамона, после стольких трудов и скорбей, не может даже остаться с нами, когда мы там будем терпеть наказания и страдать за исполнение ее внушений; она даже увеличит для нас пламя; а Христос, даже когда повелевает дать ближнему чашу холодной воды, не попустит нас и за то лишиться награды и возмездия, но воздаст с великою щедростию. Итак, не крайне ли безрассудно – пренебрегать столь кроткое и столь великими благами изобилующее владычество и работать властителю неблагодарному и непризнательному, который ни здесь, ни там не может никакой пользы принести последующим и повинующимся ему? Но не то одно худо, и не то одно вредно, что он не может избавить преданных казни, а и то еще, что он, как я сказал, подвергает бесчисленному множеству зол людей, покоряющихся ему. Весьма многие из тех, которые будут наказаны, будут терпеть наказание именно за то, что служили деньгам, любили золото и не помогали нуждающимся.

Чтобы не терпеть и нам того же, будем расточать (свои сокровища), отдавая их бедным; освобождать свою душу и от здешних зловредных попечений, и от будущих, за то уготованных, мучений. Приготовим себе оправдание на Небесах; вместо стяжаний земных соберем сокровища неистощаемые, сокровища, которые могут сопутствовать нам на Небо, могут защитить нас в опасности и умиловить тогда Судию. Да будет же ко всем нам Его благоволение и ныне, и в тот день, и да насладимся великим дерзновением благ, какие уготованы на Небесах любящим Его, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа IX

Во своя прииде, и свои Его не прияша (1, 11)

Изъяснение 1, 11. Кто такие «свои», которые не приняли Христа: во-первых, иудеи, бывшие его избранным народом. – Затем другие люди, которые не веровали в него, будучи Его тварями. – Неверие как причина ослепления иудеев; гордость как причина их неверия. – Благодать милосердия, распространенная Богом на язычников, не причинила никакой несправедливости иудеям. – Апостол Павел справедливо укоряет их и обуздывает их гордость и заносчивость. – Они завидуют спасению язычников. – Гордость делает бесполезными все добродетели.

1. Если вы помните прежние наши размышления, то мы с большею охотою будем продолжать назидание, получая отсюда и для себя много пользы. Как скоро вы запомнили прочитанное, то и для вас вразумительнее будет слово наше, и от нас не много потребует труда, потому что вы, при своей любознательности, можете уже глубже вникать в дальнейшее учение. Кто всегда теряет (из памяти) то, что ему преподано, тот всегда будет нуждаться в учителе и никогда не узнает ничего. А кто все принятое хранит и к тому прилагает дальнейшие (наставления), тот скоро из ученика может сделаться учителем и будет полезен не для себя только, но и для других. Я надеюсь, что именно таково будет предстоящее собрание, и заключаю это из такой великой его ревности к слушанию. Потому в душах ваших, как в надежном хранилище, мы положим серебро Господа и, сколько поможет благодать Духа, изъясним предложенное нам сегодня чтение. Евангелист, говоря о прежних временах, сказал: *мир Его не позна*; далее, обращая речь ко временам самой проповеди, он говорит: *во своя прииде, и свои Его не прияша*. Своими он здесь называет иудеев, как народ особый, или всех людей, как происшедших от этого народа. И как выше, болезнуя о неразумии многих людей и пристыжая общий дух (времени), он говорил, что не познал Создателя мир, чрез Него происшедший, так и здесь, негодуя на неблагодарность иудеев и многих других, он произносит еще более тяжкое осуждение, говоря: *свои Его не прияша*, тогда как Он к ним-то и приходил. Но не один евангелист, а и пророки с удивлением говорили то же самое, наконец и Павел, изумленный тем же. Так взывали пророки, говоря от лица Иисуса Христа: *людие, ихже не ведех, работаша ми, в слух уха послушаша мя. Сынове чужди солгаша ми, сынове чужди обеташа и охромаша от стезь своих* (Пс. 17, 44–46). И в другом месте: *имже не возвестися о Нем, узрят, и иже не слышаша, уразумеют* (Ис. 52, 15). Также: *обретохся не ищущим Мене, явлен быхне вопрошающим о Мне* (см.: Ис. 65, 1). А Павел в Послании к Римлянам говорил: *что убо? Егоже искаше Израиль, сего не получи, а избрание же получи* (Рим. 11, 7). И в другом месте: *что уборечем? Якоязыцы не гонящи правду, постигоша правду... Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже* (Рим. 9, 30–31). Поистине, достойно удивления то, как иудеи, воспитанные на книгах пророческих, каждый день слушавшие Моисея, который весьма многое говорит о пришествии Христовом, равно и других, после него бывших пророков, наконец видевшие и Самого Христа, Который каждый день творил для них чудеса, с ними только и беседовал, и как ученикам еще не дозволял *ходить на путь языков*, или входить в какой-либо город самарянский, так и Сам этого не делал и часто говорил, что Он послан к овцам, погибшим дому Израилева, – как, говорю, иудеи, получив столько знамений, слыша каждый день пророков и Самого Христа с Его постоянными внушениями, до того ослепили и оглушили сами себя, что уже ничто не могло привести их к вере во Христа.

Между тем язычники, не имея у себя ничего такого, никогда не слышав Божественных вещаний, даже, так сказать, и во сне всегда занимались только бреднями людей умопомешанных (такова языческая философия), перечитывали пустословия поэтов, привязаны были к деревьям и камням и не знали ничего здравого и полезного ни в верованиях, ни в правилах жизни; а жизнь их была еще более нечиста и преступна, чем учение. Да и могло ли быть иначе, когда они видели, что их боги находят удовольствие во всяком пороке, что они чествуются срамными словами и еще более срамными делами и это принимают как празднество и почесть; кроме того, чествуются и гнусными убийствами и умерщвлением детей, – и в этом люди подражали богам же. Но, несмотря на то что они ниспали до такой глубины зла, вдруг, как бы какую машиною, поднялись на высоту и явились нам, блистая с самого верха Небес. Как же это и отчего произошло? Послушай, что говорит об этом Павел. Блаженный Апостол, тщательно исследуя эти обстоятельства, не оставил их до тех пор, пока не нашел причины и не изъяснил ее всем. Какая же это причина? И отчего была у иудеев такая слепота? Послушай, что говорит об этом он сам, тот, которому вверено было это Домостроительство. Что же он говорит в разрешение такого недоразумения многих? *Не разумеюще*, говорит он, *Божия правды и свою правду ищуще поставити, правде Божией не повинувшася* (Рим. 10, 3). Вот за что они подверглись такому несчастью. И в другом месте, то же самое излагая иначе, Апостол говорит: *что убо речем? Яко языцы не гонящи правду, постигоша правду, правду же, яже от веры. Израиль же гоня закон правды, в закон правды не постиже. Чесо ради? зане не от веры...* *Преткнувша бо о камень преткновения* (Рим. 9, 30–32). Это значит, что неверие иудеев было для них причиною зол, а неверие происходило от надменности. Сначала они имели больше, нежели язычники, именно: получили закон, имели познание о Боге и прочее, о чем говорит Павел. Но по пришествии Христа, как скоро увидели, что как они, так и язычники по вере равночестно призываются ко спасению и что в деле веры обрезанный не имеет никакого преимущества перед обращенным из язычников, – тогда от гордости они перешли к зависти и не стерпели великого и неизреченного человеколюбия Господа. А это произошло в них не от чего-либо другого, как от высокомерия, злости и человеконенавистничества.

2. Какой же вред вам, бессмысленнейшие из людей, принесло это попечение (Господа), оказанное другим? Разве уменьшились ваши блага от того, что другие получили участие в них? Но поистине злость слепа и ничего справедливого не может скоро понять. Терзаясь мыслию, что и другие будут иметь участие в тех же правах, они обратили меч на самих себя и лишили сами себя человеколюбия Божия. Но так требовала справедливость. Сказано: *друзе, не обижу тебе, хочу же и им дати, якоже тебе* (см. Мф. 20, 13, 14). Но они не стоят и этих слов. Наемник (упоминаемый в Евангелии), хотя и досадовал, по крайней мере мог указать на свои труды в продолжение целого дня, на тяготу, зной и пот; они же что могли бы сказать? Ничего такого; в них была только беспечность, невоздержность и множество пороков, в которых постоянно обличали их все пророки и которыми они, также как и язычники, оскорбляли Бога. На это указывая, Павел и говорил: *несть разнствия между иудеем и эллином. Вси бо согрешиха и лишени суть славы Божия, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 22–24). Но этот предмет с пользою и весьма мудро излагает Апостол в целой главе Послания. А пред тем он еще показывает, что иудеи даже большего достойны наказания: *елицы бо в законе согрешиха*, говорит он, *законом суд приимут* (Рим. 2, 12), то есть суд более строгий, так как, кроме природы, они имеют обвинителем и закон. Да и не поэтому только, а и потому, что они были причиною хуления Бога между язычниками. *Вас ради*, сказано, *имя Мое хулится во языцех* (Ис. 52, 5, см.: Рим. 2, 24). Это особенно раздражало их, так что и уверовавшим от обрезания казалось странным это обстоятельство; потому-то они и обвиняли Петра, когда он возвратился к ним из Кесарии, за то, что он входил в общение с людьми необрезанными и ел вместе с ними; да и после того, как поняли предопределение Божие, они еще дивились, как дары Духа Святого излились и на язычников, этим изумлением выражая то, что они никогда не ожидали такой

странности. Итак, зная, что это особенно уязвляло их, Апостол все направляет к тому, чтобы уничтожить их гордость и подавить их слишком надменное высокомерие. И смотри, как это он делает: после рассуждения о язычниках, показав, что они не имеют никакого ни в чем оправдания, ни надежды на спасение, тщательно обличив также и превратное их учение и нечистоту их жизни, он переносит свое слово на иудеев. Повторив все, сказанное о них Пророком – что они и преступны, и коварны, и лукавы, и что все вообще непотребны, и ни один из них не взыскует Бога, но все уклонились, и тому подобное, – Апостол присовокупляет: *вемы же, яко елика закон глаголет, сущим в законе глаголет: да всяка уста заграждаются, и повинен будет весь мир Богу. Вси бо согрешиша и лишени суть славы Божия*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.